

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 119, август 2024

Кризис и изменения в рейнской оси

Именно Вольфганг Шойбле, исторический деятель ХДС в правительствах Гельмута Коля и Ангелы Меркель, десять лет назад на заседании Совета по международным отношениям в Нью-Йорке изложил стратегическую линию *трансатлантической взаимности*. Европа и Соединённые Штаты должны были «*вместе*» решать проблемы, связанные с изменением глобального баланса сил, когда сила смещается «*в направлении незападного мира*». Однако руководящим принципом общей стратегии должна была стать «*концепция взаимности*»; Вашингтон мог сохранить «*ответственность за глобальное лидерство*» лишь в рамках многосторонних институтов; внешняя политика и политика безопасности не могли строиться на «*односторонней основе*» и требовали тесного сотрудничества «*между равными*». Европа опасалась, что пристрастие к односторонним действиям подрывает способность США оказывать влияние; США нуждались в надёжной Европе. Американцам нужно было сохранить свою «*мягкую силу*» в рамках многосторонних отношений, а европейцам требовалось «*укрепить свою жёсткую силу*». На основе этих равных отношений атлантическое пространство могло бы определять глобальные стандарты и «*глобальные правила*» перед лицом «*Китая, России и Индии*», которые не могли служить «*глобальными моделями*».

Как видно, вопросы *кризиса порядка* уже вырисовывались во время администрации Барака Обамы. К этому можно добавить, что тогда гипотеза об обновлённом западном порядке сопровождалась переговорами о создании трансатлантической экономической зоны ТТИП – эти переговоры провалились, – президентство Трампа, начавшее вызывать сомнения в устойчивости Североатлантического альянса, возможно, возвращается, а Китай и другие восходящие державы бросают вызов претензиям на увековечение старого порядка или его реформирование на условиях Запада. Даже администрация Байдена не развеяла беспокойства из-за односторонней активности Соединённых Штатов, а тот факт, что она даёт о себе знать уже три президентских срока подряд, демонстрирует, что американские колебания имеют объективные причины именно в том сдвиге баланса сил, на который указал Шойбле.

Мы посчитали формулу *трансатлантической взаимности* эффективной, сродни линии *паритетной дуополии* между США и ЕС и нашей концепции *трансформации атлантических отношений*, и увидели в ней точку падения стратегических отношений, воплощённых франко-германской осью. Париж настаивает на европейской *стратегической автономии*; через Берлин проходит силовые линии укоренившегося атлантизма – мы назвали это немецким *структурным атлантизмом*. Сближение может быть направлено на перебалан-

сировку атлантических отношений и на общую оборону в формате европейской опоры НАТО: последние шаги франко-германских отношений перед кризисом, вызванным европейскими выборами, подтвердили это направление, дав начало обсуждению *европейского сдерживания*.

Мемуары Шойбле – «*Erinnerungen. Mein Leben in der Politik*» («*Воспоминания. Моя жизнь в политике*») – это, по сути, его политическое завещание, законченное всего за несколько дней до его смерти.

Он пишет, что всегда видел в Соединённых Штатах «*единственную реальную силу, защищающую Запад*», – он был убеждён в этом с юности. В споре между *голлистами* и *атлантистами* вокруг Елисейского договора, охватившем ХДС-ХСС в 1963 году – «*году атлантистов*», когда американская партия мобилизовалась для ослабления стратегического соглашения с Парижем, – молодой Шойбле встал на сторону атлантистов и против Конрада Аденауэра.

«*Европейская автономия никогда не могла быть обращена против США. [...] Усилия по выработке единой западной позиции всегда должны оставаться центральными. Как убеждённый трансатлантист, я всегда хотел видеть в первую очередь то, что нас связывает, основы германо-американской дружбы и общие интересы сообщества западной судьбы*». В этом «*у нас с Меркель были в значительной степени общие взгляды*».

Именно этот столь открыто заявленный атлантизм придаёт особую ценность тем последствиям, которые Шойбле выводит из новых условий *кризиса порядка*. Военная кампания России на Украине вполне может рассматриваться как «*хромое возвращение империи XX века*», но война Путина невыслима «*без системного соперничества между США и Китаем, которое в XXI веке будет всё больше определять международные отношения*». Германия зависит от Китая даже больше, чем от России; её будущее в Европе будет определяться тем, как Запад в целом сможет утвердить свои ценности в этом «*системном конфликте*». Одна из самых неотложных задач – «*минимизировать риски, связанные с этой ситуацией, и освободиться от экономических тисков*». Уже какое-то время «*мы больше не в состоянии конкурировать или принимать контрмеры в глобализованном мире*» как единая европейская нация, поэтому «*нет альтернативы сильному и дееспособному ЕС*».

Однако Шойбле не может игнорировать новое состояние атлантических отношений. Если для Европы становится всё более необходимым вносить «*большой вклад в глобальную стабильность и собственную безопасность*», то тем более верно, что «*в условиях глубокого раскола в американском обществе мы больше не можем рассчитывать на то, что незаменимые гарантии европейской безопасности со стороны США будут постоянными*».

Предложение заключается в усилении *сотрудничества* в области обороны, начиная с *Веймарского треугольника*. Польша становится сильнейшей обычной армией в Европе; Германия по-прежнему обладает экономической мощью; Франция, наряду с ролью постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладает ядерным потенциалом. «*Эти три страны могут в будущем постепенно объединить свои национальные вооружённые силы в оперативном плане, вопрос о развёртывании которых им затем придётся решать совместно. Ядерный зонтик, раскрывшийся над Европой из Франции, как ключ к надёжному сдерживанию, должен финансироваться совместно, в соответствии с экономической силой, при сохранении окончательного права принятия решений в Париже*».

Всё должно происходить в рамках Атлантического альянса: поскольку «*европейский ядерный потенциал не может в обозримом будущем обойтись без американского потенциала*», согласованная «*европейская ядерная стратегия*» должна быть определена в рамках НАТО с учётом как «*европейской автономии*», так и «*американских геостратегических интересов*».

Наконец, Европа могла бы принять «*двойное решение*»: продолжать ядерное

сдерживание и одновременно заложить основу для переговоров о демонтаже тактического ядерного оружия и ракет средней и малой дальности. Это было сражением всей жизни Гельмута Шмидта, которого Шойбле высоко ценил. Это влечёт за собой, надо отметить, возвращение за стол переговоров с Москвой.

Можно видеть, как Шойбле воплощает в своей собственной политической траектории *трансформацию атлантических отношений*, адаптированную к условиям *кризиса порядка*. С осторожностью, усиленной сегодня французским кризисом и тенью слабости, нависшей над немецкой исполнительной властью. На данный момент, пишет Шойбле, он не видит «*политической силы*», способной выступить с такой инициативой в Германии, продвинуть её во Франции и Польше и убедить в этом немецкое общественное мнение. То же самое сегодня можно сказать и о французской стороне. Хотя стратегическое направление ясно, сроки и реализация по-прежнему зависят от кризиса рейнской оси и её трансформации.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июнь 2024 г.

Содержание

Кризис и изменения в рейнской оси	стр. 1
Французский кризис и британские выборы открывают новый сезон в европейском политическом цикле	стр. 2-3
Доллар и юань как оружие	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Отлив «Green Deal»: кризис в Париже и тучи над Берлином	стр. 5
Европейцы и евразийцы в российском империализме	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Обойма Путина	стр. 7
<i>Железные дороги и российский империализм</i>	
Военное поражение принуждает к прогрессу	стр. 8
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Неостановимое азиатское перевооружение вокруг Дракона	стр. 9
Политические семьи сионизма и арабского национализма	стр. 10-11
<i>Крупные группы Китая</i>	
Десятилетие реструктуризации ускоряет ход перемен	стр. 12-13
<i>Промышленность и фармацевтика</i>	
Big Pharma в биотехнологическом сражении	стр. 14
<i>Выборы в США</i>	
Кокусы в Палате представителей	стр. 15
Апартеид по-итальянски	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Рецензии

Спорная преемственность	стр. I
Разочарованный голлист в Берлине	стр. II
Враг с Востока	стр. III
Противостояние США и Китая и дилеммы Европы	стр. IV

Французский кризис открывают новый сезон в евро

(начало на 1-й стр.)

В русле текущих дебатов в Германии, Вольфганг Шойбле также признаёт, что немецкая политическая культура, сформировавшаяся под влиянием катастрофы нацизма и поражения во второй мировой войне, накладывает свои ограничения. Находясь под американской защитой, Германия во время холодной войны не могла и не хотела вмешиваться во внешнюю политику и политику безопасности; заняв позицию «всезнающих моралистов», можно было даже критиковать Америку, «чтобы показать, что мы извлекли уроки из нашего прошлого». «С учётом нашей истории сдержанность в политике безопасности вполне объяснима», но это уже не соответствует новым стратегическим условиям; война России на Украине стала «своего рода ускоренным курсом» политического реализма. Прошлое больше не может быть «фигурой в левом углу для постоянного ухода от ответственности за собственную безопасность и безопасность Европы». С точки зрения Шойбле провал попыток Парижа и Берлина сдержать Москву до 24 февраля 2022 года должен рассматриваться как своего рода «момент Мюнхена»; теперь следует признать, что «сдерживание – лучшая форма поддержания мира».

Таким образом, и с точки зрения Шойбле, *Zeitenwende*, смена эпох, требует перевооружения Германии и Европы, а также политического руководства, способного «убедить население» принять такую постановку вопроса, которую коллективная психология послевоенной эпохи всячески избегала: «безопасность мира не достигается нулевой ценой», «*si vis pacem, para bellum*», «каждое дело имеет моральную цену».

Вопрос требует более широкого рассмотрения. Необходимо учитывать дилеммы немецкой политической культуры в новых условиях кризиса порядка, сопоставить решения Берлина с аналогичными процессами в Токио – своего рода японским зеркалом, отражающим общий для обеих стран разрыв с послевоенной стратегической культурой, – а также оценить реакцию Франции на новые военно-политические амбиции Германии. Если одно это уже подразумевает трансформацию франко-германских отношений, то теперь весь процесс усложняется неизвестными последствиями французского кризиса, учитывая сравнительно и евроскептическую политическую основу Национального объединения Марин Ле Пен.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что политически раздробленная Германия преодолевала своё практическое бессилие на уровне теории; существовала диалектика между филистерством – узким, отсталым менталитетом, господствовавшим в социальной психологии буржуазии, – и вершинами, достигнутыми её интеллектуальным меньшинством в культуре и философской рефлексии. Одним из проявлений этой диалектики было восхищение французским политическим гением: Гегель видел в Наполеоне в Йене «дух мира» на коне; по мнению Гейне, «французы совершают революцию», в то время как «немцы мечтают о ней».

Объединение Германии осуществилось только в 1871 году и в форме революции сверху, причём под давлением Пруссии, а не Рейнской области, что сделало страну запоздавшей нацией. Ге-

нию Бисмарка, с его *overlapping alliances*, пересекающимся и накладывающимся союзам, удалось добиться принятия Германии в концерт европейских держав в качестве «удовлетворённой державы», но этот результат не выдержал проверку новыми условиями империалистического созревания. Историю Веймарской республики и нацизма после поражения в первой мировой войне можно расценивать как попытки германской буржуазии найти на ощупь решение империалистической демократии, через переходную формулу несовершенного плюрализма – нацизма.

Базовым исследованием немецкой политической культуры в связи с международной политикой является книга Михаэля Штюрмера «*Die Grenzen der Macht. Begegnung der Deutschen mit der Geschichte*». История и политическая культура Германии прошли путь от бессилия раздробленности в XIX веке до мощи, не ощущающей собственных пределов, в империалистическом XX веке. В этом колебании проявляется неадекватность политической культуры, которая неуклюже справляется с политико-стратегическими вопросами.

Объективной основой этого состояния является, по Штюрмеру, немецкий вопрос как сочетание геополитических условий Германии: во-первых, положение центра континента, слишком сильного, чтобы его не считали угрозой, но недостаточно сильного, чтобы объединить его под своим господством; во-вторых, политики равновесия в рамках европейской системы: великий замысел Ришелье и Вестфальский мир после Тридцатилетней войны; разделение Германии как условие европейского равновесия.

В начале 1990-х годов, после стратегического водораздела в связи с распадом СССР и воссоединением Германии, Штюрмер пришёл к выводу, что возвращение Германии к полному суверенитету после десятилетия ялтинского раздела должно было учитывать уроки истории, как в отношении немецкого вопроса в европейском равновесии, так и в отношении ограниченности политической культуры при столкновении с категориями власти и *Realpolitik*. Германия не должна была восстанавливать свой суверенитет в одиночку, в рамках *Sonderweg*, особого и самостоятельного пути, её стоило действовать только в рамках союзов: в Европейском союзе, начиная с Рейнской оси с Францией, и в Североатлантическом союзе для стратегических отношений с Соединёнными Штатами.

К этому можно добавить, что после второй мировой войны, в результате военной катастрофы и американского влияния доминирующая политическая культура отказалась не только от понятия политического реализма, но и от идей национального интереса и патриотизма. Во второй половине 1980-х годов «прошлое, которое не проходит», становится предметом спора между историками («*Historikerstreit*»): ревизионистское течение, которое с позиций *Realpolitik* пересматривает немецкую историю и её преемственность, – в их числе были Андреас Хиллгрубер и сам Штюрмер, – противостоит либерально-прогрессивистской школе, которую можно назвать *Moralpolitik*. Последние обвиняли первых в релятивизации «абсолютного зла» нацизма; Юрген Хабермас, среди прочих, утверждал, что

в отношении Германии можно было говорить только о «конституционном патриотизме», закреплённом в Основном законе 1949 года.

В годы восстановления и экономического чуда бытовало мнение, что немцы, в отсутствии возможности выразить патриотизм нормальной нации из-за эпизода нацизма, реализовали своё чувство принадлежности за счёт провинциалистской концепции *Heimat*, родины как месте рождения, и в патриотизме марки, гордости по поводу экономических успехов Западной Германии и силы её валюты. На уровне экономической теории и идеологии выразителем концепций *Ordnungspolitik* и социальной рыночной экономики в составе правительства стал Людвиг Эрхард, занимавший проатлантические и пробританские позиции, – Конрад Аденауэр его переносил с трудом, считая лишённым политического чутья. В этом либеральном экономизме, как и в провинциализме, за который в те годы клеймили многих немецких лидеров, можно распознать возрождение филистерства немецкой буржуазии. Здесь же мы видим и корни концепции внешней политики как *Wandel durch Handel*, изменений через торговлю, – сегодня она воспринимается как иллюзия, «вегетарианское» заблуждение в мире, который вновь стал плотоядным и гоббсовским.

Но насколько эта недостаточность могла обременять немецкую стратегическую культуру? Здесь необходимо рассмотреть и свести воедино ряд оценок, которые лишь формально кажутся противоречивыми. Мы уже сталкивались с тезисом Гельмута Шмидта, который в книге «*Menschen und Mächte*» (1987) считал, что в ходе своего канцлерства он вывел Германию из статуса экономического гиганта и политического карлика, вернув её в число игроков мировой политики. Содержание нынешних дебатов в Германии, в которых ограниченность немецкой стратегической культуры обсуждается всё в тех же терминах, к которым тридцать лет назад обращался Штюрмер, позволяет предположить, что достижение, на которое претендует Шмидт, не было окончательным или, во всяком случае, является недостаточным в новых условиях кризиса порядка.

Кроме того, мы уже приводили мнение Йозефа Йоффе насчёт воссоединения: Германия двигалась на международном уровне в соответствии со своей особой позицией, которая исключала принятие политических решений, но позволяла её экономической силе оказывать политическое влияние. Сославшись на этот тезис в мае 1991 года в статье «Неопределённые силы европейских держав», Арриго Черветто показал, что принял его во внимание. Гельмут Коль ускорил темпы восстановления германского единства, сыграв на американской заинтересованности в сохранении Германии в Атлантическом союзе, добился одобрения Парижем усилий по созданию федерации ЕС на основе монетарной власти и заручился согласием Москвы, когда СССР был измучен экономическим кризисом и гонкой вооружений, гарантировав Михаилу Горбачёву жизненно важную финансовую поддержку. Однако такая комбинация благоприятных факторов вокруг экономической мощи Германии была бы немыслима без распада СССР и исключения его военно-политической мощи из уравнения баланса сил в Евро-

пе. Уникальное условие, из чего следует, что простая опора на экономическую мощь для влияния на политическую динамику других стран является не доступной более для Германии игрой.

В начале 1980-х годов Черветто, говоря о линии японского премьера Ясухиро Накасонэ, даёт ей весьма обязывающую оценку, аналогичную той, которую дал Шмидта в отношении Германии: Токио уже стал политическим гигантом в империалистическом противостоянии. Уже после первой войны в Персидском заливе, в 1991 году, Черветто исправил и обновил эту оценку, указав на «крушение» линии премьер-министра Тосики Кайфу, который оказался неспособен преодолеть внутреннюю оппозицию военным инициативам. Позже в своих мемуарах Накасонэ сам писал о «провале» полувекковой японской внешней политики, ориентированной на доктрину Ёсиды: что-то сродни *Wandel durch Handel* послевоенной Германии, небольшие шаги во внешней политике под прикрытием японо-американского альянса, сопровождающие экономический подъём Страны восходящего солнца.

Мемуары Накасонэ на фоне остро политического кризиса в Токио заставили нас в 1998 году определить транстихоокеанские стратегические отношения между США и Японией как «обязательный, асимметричный и неохотный альянс». Критикуя провал доктрины Ёсиды, Накасонэ, по сути, признавал и свой собственный провал – неспособность его собственного течения преодолеть «пассивность» подхода, в котором приоритет экономики сопровождался отказом от стратегической автономии.

Как мы отмечали в 1998 году в комментарии об исторических дебатах вокруг внешнеполитических линий Японии в XX веке, фракция анти-Ёсиды достигла своего апогея в 1957–1960 годах в правительстве Нобусукэ Киси. Эта попытка закончилась драматическим кризисом 1960 года, пересмотром Договора о безопасности между Вашингтоном и Токио, который, однако, не привёл к «взаимности» в японо-американских отношениях. Эта цель хорошо подытожила «двойственную природу ревизионизма Киси, который намеревался ренационализировать японскую внешнюю политику, но с точки зрения отношений с Вашингтоном».

Важно отметить, что сегодня линия Синдзо Абэ на перевооружение Японии, завершаемая Фумио Кисидой, является реализацией стратегических намерений Накасонэ и Киси. Можно сказать, что для реализации линии Накасонэ потребовалось сорок лет; в этом есть доля правды, но этого недостаточно. Дело в том, что Токио пришлось пройти через два стратегических рубежа. Один в 1991 году, когда произошло крушение Японии и она погрузилась в десятилетие экономического застоя и политической нестабильности, с кризисом доминирующей партии ЛДП, не лишённым «итальянских» черт. А сегодня – это кризис порядка, вызванный изменением стратегических пропорций в отношениях с Китаем.

Japan Times пишет, что новая стратегическая доктрина Японии – это «исторический повтор», и что «контратягущий потенциал», который обретёт Токио с развёртыванием 1000–1500 ракет средней дальности, меняет истори-

и британские выборы пейском политическом цикле

ческую структуру японо-американского альянса, где Япония была «щитом», а США – «копьём». Индийский аналитик Раджа Мохан, возможно, несколько преувеличивая, настолько хвалит японский поворот, что изображает Токио чуть ли не достигшим стратегического паритета с Вашингтоном.

В этом свете, и, несомненно, после проверки дальнейшим ходом стратегической борьбы, тезис 1998 года об американо-японском союзе как *обязательном, асимметричном и неохотном* должен быть обновлён. В то же время подтверждается, что шаг в направлении японской стратегической автономии происходит через трансформацию альянса. Аналогично, если говорить о западной шахматной доске, с 1990-х годов мы помещали в центр нашего анализа тенденции, направленные на трансформацию Североатлантического альянса, то есть именно на призыв Шойбле к *трансатлантической взаимности*.

Для расшифровки японских дебатов мы использовали образ и методологический инструмент *корейского зеркала*. Он позволяет найти в более откровенных дебатах в Сеуле, посвящённых сдерживанию или ядерному пороговому условию, вопросы, которые замалчиваются или на которые неуловимо намекают в Токио. Точно так же можно говорить о *немецком зеркале* или же о *японском зеркале*: в Японии мы находим ссылки на немецкие дебаты о *Zeitenwende*, а в Германии и Европе – элементы японских решений, особенно по вопросу *контратакующих сил* и развёртывания ракет.

Приходится задаваться вопросом, в каких терминах и в какой степени требуют обновления также и тезисы о Германии и франко-германской оси как о двигателе ЕС. С одной стороны, различия с Японией начинаются с оценки последствий стратегического рубежа 1991 года. Для Германии он означал воссоединение, а для Европы – начало федерации евро и регионального пространства, организованного как политический союз. Мы всегда рассматривали это различие элементом наибольшей слабости Японии.

С другой стороны, перед Германией и ЕС возникают те же стратегические вопросы, что и перед Токио, касающиеся отношений с Соединёнными Штатами и надёжности американских союзнических обязательств. Здесь, как ни парадоксально, Япония имеет преимущество в скорости принятия и исполнения решений, поскольку является унитарным государством, в то время как ЕС страдает от медлительности и неполноты полудефедеральной *плюралистической надстройки*, сочетающей федеральные, конфедеральные и национальные власти.

Что касается вопроса о немецком стратегическом дефиците, то дебаты по этому поводу начались ещё в 2017 году с началом президентства Трампа и знаменитой *пивной речи* Ангелы Меркель: времена, когда можно было полностью положиться на США, прошли, «мы, европейцы, должны действительно взять нашу судьбу в свои руки». Дебаты были ускорены в феврале 2022 года украинской войной и *Zeitenwende*, сменой эпох, провозглашённой Олафом Шольцем одновременно с выделением 100 миллиардов евро на оборону. Среди наиболее показательных выступлений можно отметить книгу Кристиана Мёллинга «*Fragile Sicherheit*» («Хрупкая надёж-

ность»), где ставится вопрос о сроках. Он пишет о 6–10 годах, прежде чем Россия восстановит свои силы после войны, выступает за «десятилетие политики безопасности», аргументирует «новый немецкий вопрос» в отношении роли Берлина в европейской обороне и видит бундесвер вернувшимся к роли «самой мощной конвенциональной армии» в Европе.

Что касается перспектив «*рейнской оси*», то основополагающей является тревожная оценка Тьерри де Монбриала из Французского института международных отношений (IFRI) в связи с разворачивающимся конфликтом на Украине. Давайте перечитаем: Германия не свела счёты со своим прошлым, что объясняет атлантистскую мобилизацию; берлинская концепция роли Германии в Союзе «*эволюционирует по ходу событий, возможно, приближаясь к традиционной точке зрения*»; исторические ориентиры влияния Германии испытывают тяготение к северо-востоку; после окончания войны и возрождения старых исторических констант нельзя исключать, что Германия и Россия восстановят «*близкие отношения*».

Эти тревоги мы находим в марте 2024 года на страницах *Le Monde*: аналитики и творцы международной политики опасаются, что перевооружение нарушит франко-германский баланс и поставит под вопрос негласный пакт о разделении труда между Францией и Германией, в котором Парижу будет принадлежать военно-политическое первенство, а Германии – экономическое.

Можно попытаться подвести предварительный итог. Тезис о немецком стратегическом дефиците является повторяющейся и доминирующей темой в Германии; в японском зеркале это оценка соответствует диагнозу Накасонэ в отношении *доктрины Ёсиды* в 1990-х годах. Именно протагонисты немецкой политики утверждают, что либеральный экономизм послевоенной политической культуры, усиленный переломом 1989–1991 годов и американистской иллюзией *конца истории*, больше не является достаточным. В этом смысле пересмотр как тезиса Шмидта о достижении Германией стратегической зрелости, так и тезиса Йоффе об эффективности экономического обхода процесса принятия политических решений вытекает из самой немецкой дискуссии.

В японском зеркале: как Токио достигает или думает, что достигнет стратегической зрелости, к которой безуспешно стремился в 1980-х годах Накасонэ, так и доминирующие течения в Берлине считают, что им нужно привести Германию к роли стратегического игрока, как того хотел Шмидт. Это в перспективе изменит отношения с Вашингтоном и Парижем: наряду с понятием *трансформация атлантических отношений* необходимо ввести понятие *трансформация франко-германских отношений*.

Можно выдвигать различные гипотезы о том, как будет развиваться эта двойная трансформация, учитывая, что выявить тенденции возможно, а предсказать события – нет. Можно предположить, что вес немецкого атлантизма и сохранение послевоенной экономистской политической культуры, нового проамериканского воплощения *филистерства*, не позволят этой двойной трансформации в Германии полностью осуществиться. Европа столкнётся с

кризисом порядка в условиях стратегического дефицита, и когда это произойдёт, её централизация подвергнется критическому испытанию. Или же, преодолев хотя бы частично ограничения своей стратегической культуры, Германия продолжит укреплять свои вооружённые силы, и в результате пересборки отношений с Парижем франко-германская ось вновь сможет выступить в качестве движущей силы. Под прикрытием своего *ядерного порогового состояния* Берлин проведёт следующее десятилетие в этом стратегическом восстановлении и в двойной трансформации отношений – атлантических и рейнских. В то же время другие ключевые игроки, такие как Польша, Италия и Испания, могут быть вовлечены в процесс создания *Европы-державы* как европейской опоры НАТО.

И снова: нельзя исключать ускорения под давлением углубления кризиса порядка, начиная с ракетной конфронтации с Москвой. Три направления дискуссий, предложенных Парижем, – воздушный щит, ракеты средней дальности и ядерное сдерживание – могут быстро привести к соглашению о франко-британских *европейских силах сдерживания*, закреплённых за ЕПС, Европейским политическим сообществом, в котором Лондон сможет управлять своим сближением с Евросоюзом.

Нельзя исключать и другие сценарии; остаётся маловероятным крайний из них, в котором Берлин под влиянием американского кризиса и потери атлантических гарантий откажется от условий *ядерной латентности* и выберет авантюру *немецкой бомбы*, что будет иметь сейсмические последствия для европейского баланса.

В итоге можно ожидать десятилетия европейской политико-стратегической борьбы, отмеченной поворотом Германии к перевооружению, различными вариантами *европейского сдерживания* и некоторой формой восстановления баланса между Парижем и Берлином. Оценка франко-германского процесса в соответствии со старой динамикой Рейнской оси, приписывание любых немецких оговорок атлантистскому узлу или наследию меркантилистского *филистерства* была бы дезориентирующей.

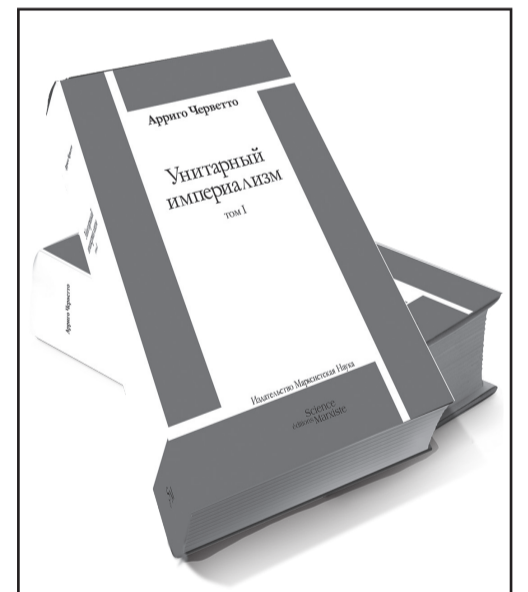
На момент написания этой статьи исход авантюры, которую попытался проверить президент Франции Эммануэль Макрон с роспуском Национального собрания, нам неизвестен. «Ватерлоо» макронизма вполне вероятно, но остаётся узкая возможность коалиционного президентства, когда большинство объединит куски различных политических группировок, доступных для центристского понимания, либо на постоянной основе, либо на базе отдельных проблем.

Вне зависимости от исхода будут иметь значение следующие наблюдения. Французский кризис надолго запомнится европейскому циклу, потому что в новом политическом цикле *электоральных восстаний* президентизм обнаружил присущую ему дисфункциональность в обеспечении стратегического консенсуса. Поскольку слабость германской исполнительной власти более условна, а с ХДС-ХСС сохраняется значительное большинство, основанное на евроатлантическом консенсусе, это может усилить перебалансировку рейнской оси в пользу Берлина.

Недостаточно акцентируется внимание на том, что ни одна крупная сила в *федерации евро*, включая Национальное объединение Франции, больше не ставит под сомнение единую валюту. Если французский кризис может осложнить или поставить под угрозу перспективы создания федерального фонда европейского сдерживания, то факт остаётся фактом: даже совранистские течения принимают уступку суверенитета, связанную с *федеральной валютной властью*.

Затухание самых крайних евроскептических позиций также связано с провальным исходом Brexit. На момент написания статьи мы не знаем, насколько катастрофическим будет поражение Тори на британских выборах, но можно с уверенностью сказать, что этот результат связан с неудачными последствиями выхода из ЕС. Лейбористы не могут позволить себе затронуть радиоактивную тему возвращения в ЕС, но сближение стоит на повестке дня Кира Стармера, и к нему призывает крупная пресса, связанная с Сити и ключевыми группами британского империализма. Сочетание линии европейского прагматизма в Британии и французского кризиса может реанимировать *Stille Allianz*, англо-германский молчаливый союз, тогда трёхсторонняя динамика между Берлином, Парижем и Лондоном вновь окажется в центре внимания. Европейский политический цикл вступает в новый сезон.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

Арриго Черветто
УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Доллар и юань как оружие

В последние месяцы в “развитых” странах проявились две давно тлеющие тенденции, связанные с неопределённостью последнего десятилетия и усилившиеся во «всемирный электоральный год» с его “электоральными восстаниями”. С одной стороны, американский протекционизм против передовых технологий Китая принял форму 100 %-ных пошлин на продукцию всей цепочки энергетического перехода и производства электромобилей, и Дональд Трамп обещает универсальные пошлины против Китая в размере от 10 до 60 %. Брюссель после выборов в Европарламент объявил – при противодействии Германии, Швеции и Венгрии – о намерении ввести пакет дополнительных пошлин на китайские электромобили в размере от 18 до 38 %, в зависимости от автопроизводителя.

Важным отличием ЕС от Вашингтона является то, что первый предложил Пекину переговоры, продемонстрировав открытость к «другим возможным способам» прекращения спора. Пекин принял сделку. С другой стороны, проявилось – пока с меньшей интенсивностью – расхождение в монетарной политике между крупными центральными банками: ЕЦБ произвёл первое снижение ставок, ФРС сохранила их стабильными, Банк Японии рассматривает гипотезу их повышения с целью защиты обменного курса иены. У Китая же, напротив, может возникнуть соблазн обесценить юань в интересах своих экспортёров, считают Джиллиан Тетт из *Financial Times* и бывший главный экономист UBS Джордж Магнус. Пошлины, инфляция и ставки – это наиболее очевидные аспекты происходящих перемен.

МВФ: вторая холодная война?

В мае на конференции в Стэнфордском институте исследования экономической политики (SIEPR) первый заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинат предупредила: «Глобальные экономические связи меняются так, как мы не видели со времён окончания холодной войны. [...] Страны переоценивают своих торговых партнёров [...], потоки прямых иностранных инвестиций перенаправляются в соответствии с геополитической ориентацией, некоторые страны пересматривают свою сильную зависимость от доллара. [...] Новые торговые ограничения значительно усилились [...], финансовые санкции также расширились». Гопинат отмечает: «Если эта тенденция сохранится, мы можем стать свидетелями широкого отказа от глобальных правил взаимодействия и существенного уменьшения выгод экономической интеграции». Однако, «несмотря на эти тенденции, пока нет явных признаков деглобализации в целом».

Доля торговли товарами в ВВП остаётся более или менее стабильной – между 41 и 48 %, но «под поверхностью усиливаются признаки фрагментации»: в период с 2017 по 2023 г. доля Китая в импорте США упала на 8 процентных пунктов, а доля Америки в экспорте Китая – на 4 процентных пункта; после вторжения России на Украину объёмы торговли и прямых инвестиций между блоком прокитайских и блоком проамериканских стран отстали соответственно на 12 и 20 % по отношению к потокам капиталов внутри каждого из двух блоков. Третьи страны, такие как Мексика и Вьетнам, которые позволяют Китаю обходить американскую стену, смягчают фрагментацию: с 2017 г. страны, которые получили больше китайских товаров и инвестиций, также увеличили свой экспорт в США. Гопинат сравнивает

сегодняшнюю фрагментацию с ситуацией первых лет холодной войны. Сегодня «средний торговый дефицит между блоками» ниже, но и ставки гораздо серьёзнее: в 1947 г. доля торговли в ВВП составляла 16 %, сегодня – 45 %. Тогда западный блок демонтировал торговые барьеры, сегодня он их возводит. Роль «неприсоединившихся стран» благодаря достигнутому ими экономическому и дипломатическому весу меняется в положительную сторону, поскольку в отличие от сегодняшнего дня «во время холодной войны» они не могли выступать «связующими звеньями между соперничающими блоками».

Пропорции имеют значение

Указанные руководителем МВФ различия уместны, но их следует дополнить сравнением баланса сил между ведущими державами соответствующих “двух блоков” в рассматриваемые МВФ периоды. По данным, собранным Ангусом Мэддисоном для ОЭСР (в 1995 и 2001 гг.), в 1950 г. на долю США приходилось 27,3 % ВВП (в международных долларах), что втрое превышало долю СССР (9,6 %); американский экспорт в совокупном мировом экспорте составлял 25,6 %, что было примерно в 10 раз больше, чем у СССР (2,7 %); последний имел лишь небольшое преимущество в доле населения (7,2 % по сравнению с 6,1 % в США).

В 2023 г. доля США в ВВП (по паритету покупательной способности) составила 15,6 %, а доля Китая – 18,7 %; доля Америки в мировом экспорте – 9,9 %, Китая – 11,3 %; наконец, население Китая в 4 раза превышает население Америки (18 % мирового населения по сравнению с 4,3 %). США в 1950 г. были лидерами в военном отношении и доминировали в экономическом; сегодня Китай бросает вызов, опираясь на силы, намного превосходящие те, что были у СССР 70 лет назад.

По словам Гопинат, геополитическая напряжённость и изменения в торговле и финансах не оказали существенного влияния на глобальную роль доллара, сохраняющего роль доминирующей валюты, на долю которой приходится около 60 % валютных резервов. Но в «китайском блоке» происходят изменения. С начала 2022 г. в этом блоке доля доллара в торговых расчётах упала с 89 до 83 %, а доля юаня выросла более чем вдвое – с 4 до 8 %. Самый большой сдвиг произошёл в трансграничных операциях китайских небанковских организаций с иностранными контрагентами: за 15 лет доля юаней выросла с почти нулевого уровня до 50 %, в то время как доля долларовых операций упала с 80 до 50 %. Гопинат обращает внимание на то, что Китай и его блок параллельно с продвижением юаня осуществили массовые закупки золота.

«Китайский блок» увеличил долю золота в резервах с менее чем 2 до 7 % в период с 2015 по 2023 г. МВФ считает, что наличие золотых резервов защищает от неопределённости и геополитических рисков. Однако ясно, что Пекин задействует этот «варварский реликт» в своей монетарной битве как гарантию распространения юаня в условиях отсутствия его полной конвертируемости и как актив, альтернативный доллару: Пекин не только увеличил долю золота в своих резервах, но и сократил за последние четыре года долю казначейских и агентских облигаций США с 44 до 30 %.

Монетарное сдерживание

В 2004 г. бывший министр финансов Билла Клинтона Ларри Саммерс на

конференции в Институте Петерсона назвал «нерациональной» политику, вынуждающую Соединённые Штаты, «величайшую державу в мире, а также величайшего должника в мире», полагаться «на своего рода балансирование на финансовом терроре, чтобы предотвратить продажу резервов, которая могла бы угрожать нашей стабильности».

Англичанин Гарольд Джеймс, экономист и специалист по истории Германии и создания евро, подхватил эту параллель, расширив теорию сдерживания, касающуюся балансирования угрозы «гарантированного взаимного уничтожения», на доминирование доллара «как широко признанного финансового ядерного оружия». Он также добавил, что ни один из этих «инструментов взрывной физической и финансовой мощи» фактически не может быть использован. Можно возразить, что в целом ряде известных эпизодов – во время Суэцкого кризиса, девальвации фунта стерлингов в 1967 г., отмены конвертируемости доллара в золото в 1971 г., подписания соглашения “Плаза” в 1985 г. – доллар всё же использовался Вашингтоном, который обладал монополией на «мировую валюту», как эффективное оружие. Джеймс, вероятно, исключает монетарные баталии, в которых доллар служил рычагом давления для достижения консенсуса, особенно в отношении союзников. Он утверждает, что неписаное правило было нарушено, когда доллар «был использован в полной мере как оружие, как средство накладывания финансовых санкций и осуществления сдерживания». Джеймс считает, что доллар сегодня более уязвим.

Результат ли это “финансового террора” или нет, но в период с 2000 по 2023 г. доля доллара в мировых резервах упала с 71 до 58 %. Барри Эйхенгрин в докладе, подготовленном для МВФ, утверждает, что снижение доли доллара в мировых резервах за это время было ещё существенней (по его оценке, доля долларовых резервов составляет около 55 %), но этот процесс «невидимой эрозии» был замаскирован высоким обменным курсом. Мы обнаружили это явление также в изменении соотношений между ВВП различных стран, выраженными в долларах. Экономист из Беркли не верит в ускоренное сокращение долларовых резервов из-за финансовых санкций, которого все так опасаются, и отмечает признаки замедления интернационализации юаня.

“Юанизация” России

Последнее, впрочем, не относится к китайско-российским отношениям. Александра Прокопенко, с 2017 по 2021 г. консультант ЦБ РФ, а сейчас сотрудница Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии и Германского совета по международным отношениям (DGAP), изучает юанизацию российской экономики. В трансграничных операциях платёжные системы, использующие рубли и юани, заменили сеть SWIFT, использование которой запрещено. Это платёжные системы, в которых также могут участвовать третьи лица. Объём торговли между двумя странами достиг 240 млрд долл., а китайский экспорт в Россию превысил 111 млрд долл. в 2023 г., что на 67 % больше, чем в 2021-ом. На Китай приходится 38 % российского импорта и 31 % экспорта. По словам Прокопенко, благодаря российскому рынку Китай обогнал Японию как крупнейшего в мире экспортёра транспортных средств.

Входящие и исходящие торговые операции между Россией и Китаем обычно осуществляются в юанях. Прокопенко называет переход к использованию юаня «драматическим». По состоянию на декабрь 2023 г. около 1/3 внешней торговли России осуществлялось в юанях. В 2023 г. объём китайской валюты в российских банках превысил объём долларов (68,7 и 64,7 млрд долл. соответственно). Стоимость российских кредитов, номинированных в юанях, утроилась и составила 46 млрд долл. Торги в юанях на Московской бирже в 2023 г. составили 42 % от общего объёма, превысив долю доллара, а в марте выросли до 53 %.

Этот водопад юаней был замедлен решением Вашингтона о введении вторичных санкций против китайских финансовых групп, которые сотрудничают с российским ВПК. Автор перечисляет 8 банков, которые полностью прекратили принимать российские платежи, что привело к падению китайского экспорта на 16 % год к году. Китай соблюдает западные санкции и не поддерживает торговлю в рублях, более того, он ужесточил требования к соблюдению санкций для многих российских компаний. Прокопенко отмечает, что под давлением западных санкций Китай протестировал системы трансграничных платежей, сделал их предельно гибкими, но не ставя под угрозу отношения с западными рынками и оттачивая свои возможности в качестве альтернативного центра глобального влияния.

Игры на неопределённости

В середине июня распространилась новость о том, что пятидесятилетнее соглашение между США и Саудовской Аравией подошло к концу: заключённое в 1974 г., оно отдавало доллару исключительный приоритет в качестве эксклюзивной единицы учёта и обмена средневосточной нефти. “Новость” распространялась в различных версиях: отмена соглашения, отказ Эр-Рияда от доллара, истечение срока действия соглашения. Эту информацию перепечатали несколько индийских СМИ, очевидно, из российского источника. В лучших традициях *fake news* в этой новости, сохраняющей двусмысленность и не опровергнутой Эр-Риядом, ложь была смешана с реальными событиями: отказом наследного принца Саудовской Аравии бин Салмана от участия во встрече Большой семёрки; приостановкой выполнения Соглашений Авраама и пакта безопасности между Саудовской Аравией и США из-за войны в Газе; получением Саудовской Аравией 5 июня полноправного членства в платформе цифровой валюты «многоцентрального банка», спонсируемой Банком международных расчётов вместе с Народным банком Китая, Управлением денежного обращения Гонконга, Банком Таиланда и Центральным банком Объединённых Арабских Эмиратов. *Financial Times* проигнорировала псевдо-новость, но посветила страницу примирению Саудовской Аравии с Джо Байденом.

Замысловатые игры в сложных отношениях держав и дипломатия нескольких союзов сейчас в моде среди “развивающихся” средних держав, которые хотели бы сохранить свои руки свободными и не быть заложниками какого-либо эксклюзивного клуба. В то же время это является признаком ослабления гегемонической хватки Вашингтона.

Европейские хроники

Отлив “Green Deal”: кризис в Париже и тучи над Берлином

Реакция прессы на результаты выборов в Европарламент, прошедших 6–9 июня, различается: одни подчёркивают элементы разрыва, другие выделяют черты преемственности.

«ЕС: лавина правых», – заголовок газеты *la Repubblica* от 10 июня. *Le Monde* говорит о «правом повороте в Европейском парламенте» (11 июня). *The Economist*, напротив, пишет, что, «не считая потрясений во французской политике, европейские выборы снова дают тот же результат» (15 июня). *Frankfurter Allgemeine Zeitung* считает, что это было «голосование за ЕС»: «победителем выборов» стала Европейская народная партия (ЕНП) уходящего председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен (11 июня).

Помимо возможной мотивации самих редакций, такой разброс оценок отражает также переплетение европейского политического цикла и циклов национальных, а также гибридную структуру европейских институтов, сочетающих в себе элементы федеральности и конфедеральности.

В общей сложности в 14 из 27 стран ЕС усилились партии правее ЕНП, но в большинстве случаев это не перевернуло национальную политическую сцену, и в Европарламенте удержался политический центр. Однако в Германии и особенно во Франции правительства потерпели тяжёлые поражения на выборах. Учитывая роль этих государств-членов в Европейском совете, колебания, вызванные выборами в Париже и Берлине, могут дестабилизировать политику ЕС в большей степени, чем предполагает простой подсчёт мест в парламенте. Следует добавить, что, помимо роли, отведённой государствам-членам Лиссабонским договором, влияние этих двух стран может быть решающим в аспектах, ускользающих при формальном прочтении правовых норм.

Кризис в Париже и Берлине

В Германии на выборах победили христианские демократы ХДС/ХСС, набрав 30 % действительных голосов. Однако второе место с 16 % заняла крайне правая партия “Альтернатива для Германии” (АдГ), обогнав СДПГ канцлера Олафа Шольца, которая получила лишь 14 %. По сравнению со всеобщими выборами 2021 г. и европейскими выборами 2019 г. три партии правительственной коалиции – СДПГ, “зелёные” и либералы – сдали позиции: в целом их голоса сократились до 31 % от общего числа. Немецкая пресса подняла вопрос о возможности падения правительства.

Политическая ситуация во Франции ещё сложнее. Эмманюэль Макрон распустил Национальное собрание, поскольку правящая коалиция получила менее половины от 31 % голосов Национального объединения (RN). Как мы прогнозируем, выборы в законодательные органы, запланированные на 30 июня и 7 июля, могут привести либо к соhabitation (“сожительству”), в котором президент будет вынужден искать соглашения с правительством, сформированным RN или альянсом левых партий Новый народный фронт, либо к возникновению коалиции, в которой каким-то образом будет участвовать макронистское течение. Первая возможность вызывает большие опасения

как среди европейских партнёров, так и на финансовых рынках.

Баланс в зале

В парламенте ЕС самой крупной группой остаётся Европейская народная партия (ЕНП). Результат политической семьи, объединяющей христианско-демократические и консервативные прагматические партии, вырос со 176 до 189 мест, и теперь она занимает 1/4 мест. Вторая группа – это Прогрессивный альянс социалистов и демократов (S&D) со 136 местами (19 %), её результат практически не изменился по сравнению со 139 местами в конце срока предыдущего состава парламента; либералы из “Обновляя Европу” (“Renew Europe”) опустились со 102 до 74 мест (10 %).

Две группы, находящиеся справа от ЕНП – Европейские консерваторы и реформисты (ECR) и “Идентичность и демократия” (ID), – вместе теперь контролируют почти 1/5 мест, получив на 23 места больше. Наиболее важными партиями группы ECR являются “Братья Италии” Джорджи Мелони, “Отвоевание” (“Reconquete”) Эрика Земмура, польская “Право и справедливость” (PiS), бельгийский Новый фламандский альянс Барта Де Вевера и испанская партия “Голос” (“Vox”). В группу ID входят Национальное объединение Марин Ле Пен, “Лига” Маттео Сальвини, голландская Партия свободы Герта Вилдерса, австрийская FPÖ и бельгийский “Фламандский интерес” (“Vlaams Belang”). АдГ также входила в состав ID, но была исключена из неё в конце мая. По сравнению с уходящим парламентом количество мест ECR поднялось с 69 до 83 (12 %), а ID укрепила свои позиции, поднявшись с 49 до 58 мест (8 %).

На другой стороне политического спектра остаётся стабильным (на уровне 5 %) результат левой группы (GUE/NGL), улучшившей свой показатель с 37 до 39 мест, чего нельзя сказать о “зелёных” (Greens/ALE), которые вместе с “Renew Europe” являются крупнейшими проигравшими на этих выборах. Они потеряли 1/4 своих мест (с 71 до 51). Наконец, по предварительным данным на 14 июня, также насчитывается 90 независимых депутатов, которые всё ещё могут повлиять на баланс сил в парламенте, присоединившись к одной из политических групп. Однако изменения в составе вряд ли бросят вызов большинству Европарламента – коалиции ЕНП, S&D и “Renew Europe”, которая составляла основу уходящей Еврокомиссии.

Послевыборные переговоры между государствами-членами и политическими семьями, скорее всего, приведут к распределению ключевых должностей – председателя Еврокомиссии, Европейского совета и Верховного представителя ЕС по внешней политике – между этими тремя партиями. Имена, циркулирующие в разговорах об этих должностях, – соответственно Урсула фон дер Ляйен (ЕНП), бывший премьер-министр Португалии Антониу Кошта (S&D) и премьер-министр Эстонии Кая Каллас (“Renew Europe”). Как только будет достигнуто соглашение относительно назначений в Европейский совет, Европарламент должен будет большинством голосов утвердить пост председателя Еврокомиссии.

“Зелёная” умеренность

Financial Times считает «маловероятным», что поражение, понесённое “зелёными”, подтолкнёт следующую Евроко-

миссию к «масштабному отступлению от климатической политики ЕС», но предсказывает «меньше зелёных амбиций в ближайшие пять лет». С другой стороны, результат 2019 г. можно считать исключением, а результат 2024-го – возвращением к уровню в 50 мест, полученных на выборах 2014 г. «[В 2019 г.] более благоприятная допандемийная и довоенная экономическая картина, массовые протесты, вдохновлённые зелёными группами и активистами, такими как Грета Тунберг, способствовали тому, что центральным вопросом выборов стали проблемы климата». Газета лондонского Сити с разочарованием отмечает, что «избиратели начали ощущать влияние зелёной политики на свои кошельки и свой образ жизни именно в то время, когда набирали силу постпандемическая инфляция и энергетический шок, вызванный войной на Украине» (12 июня).

Можно добавить, что инфляция, война, энергетический шок и геополитическая напряжённость не только влияют на психологию и кошельки избирателей, но также имеют последствия для балансов и инвестиционных планов компаний. Лозунг «капитал носит зелёное», который подпитывал экологистские СМИ и рекламные кампании, теперь уступил место требованию пересмотра *электрической и цифровой реструктуризации*. Мы уже писали, что “Дубайский консенсус” крупного капитала, достигнутый в конце 2023 г. на COP28, уже несёт на себе этот отпечаток (Экологизм нефтепромышленников // Пролетарский интернационализм № 112, январь 2024). На выборах 2019 г. партия “зелёных” удалось связать идеологию общественного индивидуализма и защиты своего “заднего двора” с интересами крупного капитала, запустив огромный цикл инвестиций в электромобили, телекоммуникации и информатику. Пять лет спустя экологистские идеологии больше не могут внушить достаточной уверенности, и капитал призывает следовать “зелёной” повестке более умеренно.

Три фазы

Импералистическая демократия должна быть способна централизовать посредством множества надстроек различные интересы фундаментальных фракций и групп капитала. Анализируя президентские выборы в США, мы выделили конкретные моменты континентальной политической централизации. Предвыборный этап, начиная с праймериз, предполагает выявление коалиций интересов основных промышленных и финансовых групп в ключевых регионах. Речь идёт о построении сети отношений «штат за штатом, поиске связей с местными группами и лидерами, с губернаторами и региональным истеблишментом» (Nizza e Miami nei conti politici del voto USA // Lotta Comunista. Novembre 2000).

Далее идут президентские выборы, которые служат для того, чтобы определить, какая коалиция, какой политический персонал и какие вопросы наиболее эффективно смогут найти поддержку у массовой базы. Наконец, назначения на правительственные должности позволяют сбалансировать победившую на выборах коалицию, представляя возможность интегрировать фракции, группы и регионы, которые были недопредставлены.

“Скрытый победитель”

Если применить эту схему к ЕС, то мы могли бы отметить уход Франса Тим-

мерманса в конце августа 2023 г. с поста руководителя “Green Deal” Еврокомиссии после поражения его электоральной коалиции на “праймериз”. Однако Урсуле фон дер Ляйен удалось представить победившую избирательную коалицию, даже если явка в 51 % демонстрирует спонтанное широкое неприятие европейской импералистической демократии. Уходящий председатель больше не презентовала себя как мать семерых детей, принявшая в свой дом сирийского беженца в 2015 г., а как хранительница “Крепости Европа”, подписавшая вместе с Джорджей Мелони соглашение с Тунисом, направленное на сокращение иммиграции. В своих поездках по Европе в рамках предвыборной кампании она представляла себя уже не так, как в 2019 г., когда хотела сделать “Green Deal” отличительной чертой ЕС, а как кандидат от ЕНП, обещающий отменить запрет на продажу с 2035 г. автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

По мнению Йозефа Кельнбергера, брюссельского корреспондента *Suddeutsche Zeitung*, “скрытым победителем” европейских выборов является Манфред Вебер. Председатель ЕНП был инициатором допуска партий более правого спектра, чем его собственная, и более критической линии в отношении иммиграции и “Green Deal”. Ему удалось «присвоить ЕНП общеевропейскую идентичность для этой избирательной кампании», а фон дер Ляйен «строго придерживалась программы ЕНП: Европа должна оставаться экономически конкурентоспособной и иметь возможность действовать в военном отношении» (11 июня).

Но неизвестные переменные французского кризиса и тучи, нависающие над немецким правительством, никуда не делись: шатается рейнская ось, которая была краеугольным камнем европейского здания на протяжении 60 лет.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Европеисты и евразийцы в российском империализме

Подобно эволюции российской экономической структуры, изучение эволюции политики и идеологии также стоит начинать с 1990-х годов, поскольку именно тогда перерабатывались материалы из политических культур, сложившихся на протяжении веков.

Продолжим следовать реконструкции Катарини Блюм из книги 2023 года *“Russland und der Westen”*: основная идея заключается в том, что стратегия Владимира Путина направлена не на восстановление империи или СССР, не на то, чтобы замкнуться в евразийской изоляции, а на то, чтобы определить будущее место России в многополярном мире. Для этого ему следует привести к синтезу различные политические и идеологические интересы и течения.

Кто потерял Россию?

Именно провал западной линии в последнее десятилетие прошлого века в очередной раз дал запуск «нелиберальному консервативному контрдвижению». Ответственность за это, «прямая или косвенная», приписывается самому Западу. То, что произошло в области экономических сил, повторилось и в области внешней политики: реакция на непризнание России великой державой и связанный с этим риск подчинения.

В качестве примера приводится один эпизод. В преддверии выборов 1996 года Борис Ельцин обратился к Биллу Клинтону за политической и финансовой поддержкой. Благодаря вмешательству американского президента российское правительство получило новый кредит в размере 10,2 миллиарда долларов; взамен Ельцин в мае 1997 года подписал соглашение, которое окончательно открыло путь к расширению НАТО в Восточной Европе.

На тех выборах риск для Ельцина и Запада представлял Геннадий Зюганов со своей КППРФ. Политическую линию последнего, пишет Блюм, «с трудом можно назвать коммунистической»: «Он считал, что противопоставление “капитал – труд” больше не актуально, потому что реальный антагонизм находится между национальными интересами и интересами иностранных “компрадоров”». В общем, «новый национал-коммунизм». Уместное уточнение.

Поворот Примакова

Столкновение в начале 1990-х годов вокруг экономических программ развело в противоположные лагеря исполнительную власть, призывавшую к ускоренной либерализации, и законодательную, требовавшую замедления реформ. В октябре 1993 года это привело к залпам из пушек по парламенту, в котором забаррикадировались “консерваторы”. В декабре была принята новая Конституция с президентским уклоном. Несколько её статей окажутся в центре последующих столкновений: статья 13, исключая государственную идеологию, и особенно статья 15, отдающая приоритет международному праву и договорам над национальной правовой системой. Это были годы иллюзий относительно возможной интеграции на равной основе с западными державами.

Последние годы века ознаменовались наступлением переломного момента: Евгений Примаков, бывший директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), а затем директор Службы внешней развед-

ки (СВР), в 1996 году стал министром иностранных дел и премьер-министром в 1998–1999 годах. Он сыграл важную роль в определении экономической политики по выходу из финансового кризиса тех лет: запустил своего рода “Новый курс”, основанный на сильном и интервентистском государстве, ограничил движение капитала и сумел стабилизировать ситуацию. Однако ключевое значение деятельности Примакова состояло в определении внешней политики: в её основу был положен тезис, что Москва не может ждать восстановления своей мощи, чтобы проводить независимую политику, а должна стать активной частью «многополярного мира», безусловно, сохраняя западную связь, но также подстраховываясь восточным направлением, связями с Индией и Китаем, зонами наибольшего развития.

Большая Европа и Большая Евразия

Путин открывает новое столетие программным документом своего президентства “Россия на рубеже тысячелетий”, который, как отмечает Блюм, был написан Владиславом Сурковым, будущим теоретиком «суверенной демократии». Путин объявляет себя прагматичным сторонником государства как главной движущей силы перемен: «Мы сможем рассчитывать на достойное будущее, только если сумеем универсальные принципы рыночной экономики и демократии органически соединить с реальностями России» (“Независимая газета”, 30.12.1999). Во внешней политике он выступает за «Большую Европу», а не за евразийский проект, определяя Россию как европейскую страну.

Дмитрий Тренин, бывший полковник СССР, а затем директор московского Центра Карнеги до объявления его вне закона в 2022 году, указывает на главную причину, отчего эта стратегия не сработала: общий европейский дом уже заселён, находится под защитой американского зонтика и без России.

Именно трудности на Западе заставляют возвращаться и укрепляться евразийские тенденции. В 2011 году Путин запустил Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который вступил в силу в 2015-м. Однако спорно, что в основе проекта лежали исключительно “восточные” связи, поскольку он задумывался также в качестве предложения Украине для общей интеграции в Европу с более сильных позиций: последующие события свели эту перспективу к нулю.

Основная идея, и консерваторов в том числе, заключается в том, что России необходимо экономическое пространство в виде расширенного внутреннего регионального рынка, особенно в условиях появления Китая и Индии. Это решающая ставка для гарантии роли великой державы, поэтому все попытки исключить “ближнее зарубежье” из орбиты Москвы рассматриваются как своего рода объявление войны.

Не стоит, однако, забывать, что с этой точки зрения “враг” находится как в Вашингтоне, так и в Пекине: американо-китайская биполярность, отмечает Блюм, является кошмаром для нелиберальных консерваторов, поскольку она похоронила бы возможность создания евразийского макрорегиона под контролем России. Модернизированный Китай рассматривается как угроза, поскольку в таких условиях Россия рискует попасть под протекторат Поднебесной.

Это стратегическое ограничение любой евразийской позиции.

Дифференцированное евразийство

Блюм проводит конкретный анализ феномена евразийства, который мы здесь лишь кратко изложим. Для этого она берёт на вооружение определение «мыслителей», данное Марксом и Энгельсом в “Немецкой идеологии”: это те, кто делает «главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса [буржуазии] о самом себе», осуществляя своего рода разделение труда с «активными членами [этого класса, которые] имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе». Между теми, кто действует, и теми, кто думает, пишут Маркс и Энгельс, возможно «расщепление», которое «может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды»¹, по крайней мере, до тех пор, пока внешнее столкновение не угрожает самой буржуазии. Это соображение мы должны всегда иметь в виду при материалистическом анализе идеологий, избегая механистического прочтения.

Блюм выделяет три основных направления современного российского евразийства, отождествляя их с тремя идеологами. Александр Панарин (1940–2003) рассматривает Евразию как проект «русско-православной цивилизации», федералистский, проводя параллель с США: консервативный поворот в России обращён на Восток, как в Америке – на Запад и Техас.

Вадим Цымбурский (1957–2009) определяет Россию как “евразийский остров”, центр которого находится не на “петровском” Западе, а простирается от Волги, через Урал, до Сибири; он оспаривает “имперское” видение Дугина и более того признаёт, что впервые за 300 лет Россия, уйдя в военном плане из Европы, освободила себя от ответственности за этот регион.

Более известного Александра Дугина, родившегося в 1962 году, она, напротив, называет «евразийским реваншистом», сторонником имперского, агрессивного проекта: он видит в евразийстве историческую миссию и доминирующую идею российского «государства-цивилизации».

Из этих простых замечаний можно сделать вывод о многообразии феномена евразийства, который часто поверхностно отбрасывается и упрощается. Не следует также забывать, что это лишь одно направление внешней проекции России, которое активизировалось в связи с ситуацией шаха на западном фронте, в частности в Европе.

Политическая оболочка

Задачу политического представления экономической структуры, насколько бы сложной та ни была, исполняет “Единая Россия” в роли центристской (и центральной) партии, вокруг которой вращается созвездие мелких и взаимозаменяемых партий, часто учреждаемых специально. Таковой была “Родина”, созданная в 2003 году с конкретной целью отнять голоса у КППРФ: проект оказался успешным настолько, что в 2006-м Кремль положил конец эксперименту, создав “Справедливую Россию”, партию социал-демократического толка, которая в дальнейшем станет частью так называемой “системной оппозиции”, характерной для нынешнего политического ландшафта. Другая пар-

тия, “Новые люди”, чей кандидат в президенты Владислав Даванков собрал часть протестных голосов на выборах в марте 2024 года, появилась на парламентских выборах 2021-м; её будущее на данный момент неясно.

В политической эволюции России в направлении «нелиберального консерватизма» необходимо учитывать две даты. 2012 год, когда Путин вернулся на президентский пост после вынужденной интермедии Дмитрия Медведева, считается моментом манифестации консервативного поворота. Он подытожил четырёхлетний период, отмеченный мировым финансовым кризисом, планами расширения НАТО на Украину и Грузию, собственно грузинской войной с признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, а также “арабскими вёснами” и последовавшими за ними событиями в Ливии и Сирии. Наступает разочарование в Западе. Таким образом, апелляция к традиционным ценностям России сопровождается претензией на независимость и национальный суверенитет как в области идеологии, так и во внешней политике.

Российская империалистическая демократия

Вторая дата – 2020 год, когда была принята новая Конституция. Блюм считает её «важнейшим документом новой российской государственной идеологии». Центральным моментом является отказ от двух пунктов, которые мы видели в предыдущей Конституции 1993 года. С одной стороны, утверждение государственной идеологии «нелиберального консерватизма», в центре которой находится концепция «государства-цивилизации». С другой – утверждение превосходства российского права над международным, сопровождающаяся демонстративным утверждением национального суверенитета. Это тема будет использована в том числе и в украинской войне 2022 года.

Остаётся нерешённой проблема смежности верхушки: власть упорядочена в виде пирамиды, выстроенной вокруг персоны Путина, но, по мнению Блюм, «элита не смогла найти единодушного консенсуса по таким фундаментальным вопросам, как национальная идентичность, геополитическая ориентация, политические институты и экономическая модель». Таковы проблемы российской империалистической демократии.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 46.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Российские хроники

Обойма Путина

Война на Украине продолжается, увеличивая число жертв и разрушений. Говорящие и пишущие головы российского империализма в один голос утверждают, что скорого конца этого массового убийства ждать не следует.

В этих условиях завершился *третий тайм политической централизации фракций Кремля*. *Первый тайм* начался 7 декабря 2023 года, когда Совет Федерации принял решение о проведении выборов президента. На этом этапе происходило выдвижение и утверждение кандидатов. 17 февраля 2024 года начался *второй тайм*, а окончательные итоги голосования были подведены Центральной избирательной комиссией 21 марта 2024 года. Результатом стало подтверждение Владимира Путина в качестве президента. Утверждение 14 мая 2024 года второго правительства Михаила Мишустина и нового состава администрации президента можно считать завершением *третьего тайма*. Таким образом, весь процесс занял чуть более пяти месяцев.

Даже поверхностный взгляд на перестановки, отставки и назначения в правительстве и администрации президента указывает на изменение веса ключевых фракций российского правящего класса.

“Политбюро 2.0”

С августа 2012 года коммуникационный холдинг “Минченко консалтинг” выпускает доклады, посвящённые «динамике правящей элиты Российской Федерации». В основе этих исследований, как сообщают авторы, лежат полужоформализованные интервью с внешними экспертами и самими представителями элиты. В дополнение к этому используется анализ открытых источников.

Авторы не приписывают элитным группам ярлыки вроде «единых “силовики”, либералов или “системных либералов”», а исследуют конкретные личности, «вокруг деятельности которых мы обнаруживаем или не обнаруживаем устойчивые сети влияния и доверия».

В названии доклада содержится метафора, отсылающая к названию руководящего органа КПСС. Авторы также используют соответствующую этой метафоре иерархию статусов: “член политбюро 2.0” – лидер элитной группы, обладающий разными типами ресурсов, включая близость к президенту; “кандидат в члены политбюро 2.0” – сильный элитный игрок, имеющий возможность контакта с президентом; “член ЦК” – влиятельный представитель правящей номенклатуры. В первую группу входят 12 человек, во вторую 30 и в третью – 78.

Мы сопоставили 120 человек из доклада с составляемым близким к Кремлю Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) рейтингом 100 ведущих политиков России в июне 2024 года и дополнили получившийся список не вошедшими ни в одно из упомянутых исследований членами правительства и представителями президента в федеральных округах. В итоге мы получили список из 150 человек, которых можно назвать *обоймой Путина*. Со сталинских времён о включённом в номенклатуру человеке говорили – “попал в обойму”.

31 человек из нынешней путинской обоймы были офицерами силовых органов СССР (в том числе 14 – офицерами КГБ), 22 входили в номенклатуру, занимаемая те или иные посты в КПСС, ВЛКСМ или правительстве, ещё 12 являются

детьми силовиков СССР, а 8 – детьми номенклатуры. Таким образом, эта специфическая группа составляет почти половину путинской обоймы: 73 человека из 150. Причём в “политбюро” их доля возрастает до 75 %: 9 из 12 членов, включая самого Путина.

В этом контексте обретает конкретный, воплощённый в личностях членов “политбюро”, смысл фраза, сказанная в 1999 году Путиным, на тот момент премьер-министром, перед сотрудниками ФСБ: «Мы снова у власти, теперь навсегда». Относительно последней части этой фразы библейский Соломон сказал бы: «Всё проходит, и это пройдёт».

Но не стоит впадать в упрощенческий механицизм. Речь не идёт о возвращении ГУЛАГа, как пишет либеральная пресса. Силовики в СССР отличались особой склонностью к великодержавности. Массовый уход со службы в 90-е годы был их персональной трагедией. Приход к власти Путина открыл для них возможность вернуться для *наведения порядка* в государстве, в экономике. И сегодня мы видим этих людей на ведущих постах не только в силовых структурах, но и в экономике: Игорь Сечин (Роснефть), Геннадий Тимченко (Volga Group), Сергей Чemezov (“Ростех”), Николай Токарев (“Транснефть”).

“Долгая зима”

Доклад “Минченко консалтинг”, опубликованный в июне этого года, назван “Долгая зима”. Во введении авторы пишут: «Геополитически ситуация находится “в двух шагах” от Карибского кризиса 2.0. Вероятность продолжения позиционного противостояния с Западом, способного растянуться на десятилетия (“долгая зима”), следует оценивать как крайне высокую. Ужесточение внешнеполитического контекста и нарастание конфликтного потенциала делает мировой тенденцией и ужесточение внутрисистемных режимов».

Идущая третий год война обуславливает «формирование “двух контуров управления”: гражданского и военно-распределительного». Первый координируется Мишустиним, второй находится в непосредственном подчинении Путина, и здесь ключевую роль играют назначения Андрея Белоусова министром обороны, Дениса Мантурова – министром промышленности и торговли, Алексея Дюмина – секретарём администрации президента, Максима Орешкина – заместителем главы администрации президента, Бориса Ковальчука – председателем Счётной палаты. При этом следует обратить внимание на то, что 11 мая, то есть до внесения для согласования в Госдуму нового состава правительства, прошла встреча члена “политбюро 2.0” Чemezova и его протеже Мантурова с президентом РФ. Чemezov – давний знакомый Путина по работе в дрезденской резидентуре КГБ, где в то же время служил и Токарев (РБК, 8.05.2017).

Тем самым, пишут авторы доклада, наряду с консервативным отношением к “старой гвардии” Путин «тестирует новое поколение управленцев», а формируя двухуровневое правительство, «политбюро 2.0 адаптируется под поставленную президентом задачу органически вписать “пушки и масло” в общую стратегию развития страны». Решение этих задач осложнено крайне высокой степенью турбулентности и неопределённости. Эксперты видят семь рисков: военные, обострение структурных со-

циальных проблем, усиление внешних ограничений, сдерживающих развитие энергетической отрасли и бросающих вызов поступлению сырьевой ренты, существенное ухудшение внутреннего инвестиционного климата, усложнение поиска обходных финансовых цепочек, обострение миграционного вопроса и межнациональных отношений, отсутствие прогресса по импорту критических технологий.

Общественный договор

В теоретическом плане, сообщают авторы доклада, они опирались на неинституциональный подход, в частности на концепцию «естественного государства», изложенную американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Дугласом Нортон в соавторстве с политологом Барри Вайнгатом и историком Джозефом Уоллисом в книге “Насилие и социальные порядки”, изданной на русском в 2011 году. Цитируем показательный отрывок из этой книги: «Элиты-члены господствующей коалиции – соглашаются уважать привилегии друг друга, включая права собственности и доступ к определённым видам деятельности. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надёжные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом». Такой порядок вещей, по мнению авторов книги, существует в 175 государствах, в которых проживают 85 % населения мира.

Другой теоретической посылкой авторов доклада, по их признанию, является неолитаристский подход американского профессора Джона Хигли. Один из его главных постулатов заключается в том, что демократия – это творение «консенсуально объединённых элит». По мнению Хигли, они немногочисленны: в США речь идёт о 10 тыс. человек, для Франции и Германии о 5 тыс. Какова численность элиты в России, профессор не сообщает, но выражает уверенность, что она является «разоблённой» и ей присуща «борьба между различными фракциями».

В конечном итоге для понимания специфики российских властей команда Минченко использовала концепции, уходящие корнями в теорию *общественного договора*. Уже это ставит под вопрос особый российский путь.

Партия порядка

18 декабря 1849 года Фридрих Энгельс писал: «“Порядок царит в Германии”. Таков в эти дни основной девиз наших правителей, будь то государи, аристократы, буржуа или любая другая фракция той недавно созданной партии, которую по-английски можно было бы назвать партией приверженцев порядка [ordermongers]. “Порядок царит в Германии”, однако никогда ещё [...] не было такой неразберихи, как в нынешнее царствование “Порядка”»¹.

В то время как идеологи российского правящего класса пытаются убедить весь мир, что Кремль, на башнях которого находятся увенчанные коронами Российской империи двуглавые орлы, «в стиле Третьего Интернационала» (“Россия в глобальной политике” № 4, июль/август 2024) ведёт экзистенциальную и священную, антиколониальную и антифашистскую войну с разлагающимся Западом, внутри правящего класса разворачивается нешуточная борьба за передел собственности и власти. Она сопровождается арестами и загадочными смертями. В неё вклю-

чились все кланы: одни укрепляют и консолидируют свои позиции, другие отступают и перегруппировываются, готовясь перейти в контрнаступление. Исход борьбы далеко не предрешён.

В работе “Классовая борьба во Франции”, которая является учебным пособием по материалистической теории политики, Карл Маркс пишет: «Говоря о партии порядка, мы не имели в виду бонапартистов. Они не были серьёзной фракцией буржуазного класса – это была смесь старых суеверных инвалидов и молодых неверующих авантюристов. – Партия порядка победила на выборах и послала огромное большинство в Законодательное собрание»². Говоря о российской партии порядка, мы также не имеем в виду евразийцев Дугина и монархистов Малюфеева. В России это *обойма Путина*. Это участвующая в борьбе за передел мира партия слившегося банковского и промышленного капитала.

Реальной оппозицией ей являются не те фракции буржуазии, которых оттеснили от власти и которые кричат: «Коррупция!». Не политические маргиналы, которые надеются войти в Кремль на штыках НАТО. Противостоять партии империалистического порядка может лишь революционная партия пролетариата.

Июль 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 44. С. 27

2 – Там же. Т. 7. С. 59.

Степанов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
“Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала”

(из книги: Архив К. Маркса и
Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Железные дороги и российский империализм

Военное поражение принуждает к прогрессу

Карл Маркс в письме от 10 апреля 1879 г. народнику и инициатору первого русского перевода “Капитала” Николаю Даниельсону отмечал, что железные дороги – это «увенчание» современной промышленности в наиболее развитых странах, т. е. «средства сообщения, адекватные современным средствам производства»¹.

В начале империалистической эпохи железные дороги, как резюмировал Ленин, представляли собой «итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железодобывающей, итоги – и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации»².

Первые железные дороги

В 1725 г. в Российской империи насчитывалось 223 мануфактуры, в 1767 г. – 696. В 1800 г. действовало 120 промышленных предприятий, а в 1825 г. – уже 5261.

С ростом производства, расширением внутренней и внешней торговли всё острее вставали проблемы транспортировки товаров и сырья. В середине 30-х гг. XIX в. летние гужевые привозы требовали по всем пунктам России около 800 тыс. человек, а на протяжении пяти зимних месяцев – более 3 млн человек, что было чудовищно неэффективно. Главную роль в транспортировке массовых грузов играли водные коммуникации.

Развитие промышленности, прежде всего горнодобывающей и металлургической, требовало возникновения железных дорог общего пользования, однако первая в России рельсовая дорога с паровой тягой была построена в 1834 г. на Нижнетагильском металлургическом заводе Демидовых крепостными умельцами – отцом и сыном Черепановыми. Открытие же первого пути общего пользования – Царскосельской железной дороги (С.-Петербург – Царское село – Павловск) произошло 30 октября (11 ноября) 1837 г. Финансировала её строительство частная компания, почти все акции которой держал граф Алексей Бобринский, а руководил работами австрийский инженер Франц Антон фон Гёрстнер.

Железнодорожное строительство в России отставало от ведущих держав того времени: в 1840 г. Великобритания имела 2390 км железных дорог, США – 4400 км, а в России так и оставалась всего одна дорога протяжённостью 27 км. Позднее на казённые средства были построены Варшаво-Венская и Николаевская (С.-Петербург – Москва) железные дороги, открытые соответственно 2 (14) июня 1845 г. и 1 (13) ноября 1851 г.

Причина этого отставания, писали мы в августе 2015 года, изучая экономические метаморфозы царской империи и их отражение в борьбе идей, заключалась в том числе в слабости российской буржуазии, которая искала в запретиленном таможенном тарифе защиту от конкуренции мирового рынка.

Отсталая надстройка

Тем временем Россия всё больше интегрировалась в мировой рынок, и, с точки зрения направления и темпов развития, показательно, что долгое время одной из главных статей экспорта России являлось железо. С другой стороны,

заметно рос и импорт, особенно машин, аппаратов и различных металлоизделий. В 1815 г. его стоимость составила 83 тыс. руб. ассигнациями, в 1825 г. – 828 тыс., а в 1840 г. – 3,5 млн руб. Всё это настоятельно требовало адекватных средств сообщения, однако отсталая надстройка – политическая система царизма при Николае I с её повальной коррупцией и партикуляризмом фракций, процветавших под поверхностью централизации и бюрократизации, – не стояла и не могла стоять на высоте своего времени.

Так, 8 июля 1826 г. ведомство путей сообщения впервые обсудило ряд предложений о строительстве железных дорог в России и отклонило их, указав, что они экономически невыгодны и что их трудно содержать в условиях российского климата, в особенности в зимнее время. Но более интересна реконструкция борьбы фракций вокруг строительства уже упомянутой Николаевской железной дороги, опубликованная одним из крупнейших российских буржуа 1850-х – 1860-х гг. Василием Кокоревым. Он сообщает, что в 1840–1841 гг. с министром финансов Канкриним встретились «первоклассные купцы», чтобы лоббировать соединение Москвы с Чёрным морем, которое они считали «необходимым в смысле обеспечения черноморских берегов от высадки неприятеля и торговых интересов». «Устаревший» Канкрин лишь удивился, как им могла прийти в голову мысль строить железную дорогу через местность, «где на волах всякая перевозка делается за самую дешёвую цену»³.

Чтобы российский правящий класс, наконец, начал преодолевать эту историческую задержку, потребовался экстремный шок военного кризиса.

Двигатель войны

После поражения в Крымской войне одной из ведущих тем в отечественной прессе становится вопрос о политических, экономических и технических преобразованиях, в том числе расширении железнодорожной сети. В феврале 1856 г. журнал “Современник” опубликовал статью “Соображения касательно устройства железных дорог в России”, в которой связывал поражение в Крымской войне с технической отсталостью страны. К 1855 г. протяжённость железных дорог в России составила чуть более 400 км, в то время как в США она превышала 11.000 км, а в Англии 5.000 км.

Ещё во время войны, в 1855 г., руководство сооружением казённых железных дорог было возложено на генерал-лейтенанта Э. И. Герстфельда. По его мнению, система частного учредительства должна была обладать большей эффективностью: главные его доводы состояли в том, что это можно будет сделать «без обременения [...] казначейства» и «гораздо скорее».

Первым правовым актом военного времени стал указ от 14 сентября 1855 г., декларирующий переход к частному железнодорожному строительству и стремление заложить основы современных буржуазных норм развития системы рельсового транспорта.

Но все эти мероприятия безнадежно запаздывали. Вновь обратимся к свидетельству Кокорева: «Если бы дорога от Москвы к Чёрному морю была начата [...]

в 1841 г., то Россия не почувствовала бы невозможности с миллионом [...] войска отразить высадившегося около Севастополя неприятеля в количестве 70 тыс. [...] Провал этот был так велик, что в него провалились Черноморский флот, Севастополь, полмиллиона войск и сотни миллионов рублей»⁴.

Драйвер экономического развития

Бурное развитие железнодорожного транспорта стало следствием поражения в Крымской войне. В 1857 г. было создано Главное общество российских железных дорог, ему было предоставлена концессия на 20 лет. Основной капитал компании на 63 % состоял из иностранных средств – Англии, Франции и Пруссии. Позднее появилось более десятка компаний, осуществлявших строительство железных дорог, которое производилось в соответствии с определёнными государством принципами: первоочередное значение отдавалось соединению хлеботорных губерний с торговыми центрами, промышленными районами, портами на Балтийском и Чёрном морях.

Ленин выделял «два периода громадного подъёма [железнодорожного строительства]: конец 60-х (и начало 70-х) годов и вторая половина 90-х годов. С 1865 по 1875 г. средний годовой прирост русской жел.-дорожной сети составлял 1^{1/2} тыс. километров, а с 1893 по 1897 – около 2^{1/2} тыс. километров», а также сравнивал темпы этого процесса: железнодорожная сеть России с 1865 по 1890 г. увеличилась более, чем в 7 раз, превысив 29.000 км, «соответствующий шаг был сделан Англией в более продолжительный период» – с 1845 по 1875 г. произошло увеличение в 6 раз, протяжённость дорог была почти 27.000 км. В Германии же темпы были выше: в аналогичный с Англией временной период произошло двенадцатикратное увеличение до почти 28.000 км.⁵

Во второй половине 1870-х гг. темпы железнодорожного строительства в России снизились, а с 80-х гг. правительство начало операцию по выкупу частных дорог из-за удручающего состояния частного железнодорожного хозяйства (низкая техническая оснащённость и качество строительства) и необходимости создания единой транспортной сети.

Но абсолютные показатели не в состоянии проиллюстрировать реальную глубину отставания России. Даже по состоянию на предвоенный 1913 г. плотность железнодорожной сети на 100 км² территории составляла удручающие 0,3 км, тогда как в США – 4,3 км, Франции – 9,4 км, Германии – 11,7, Великобритании – 12 км (даже если взять европейскую часть страны, то ситуация не сильно улучшится: Россия в 12 раз уступала Великобритании и Германии и в 10 – Франции). Количество паровозов (чуть менее 20 тыс.) было на четверть меньше, чем в Великобритании, почти в 1,5 раза меньше, чем в Германии, более чем в три раза меньше, чем в США. Как пишет историк Александр Никольский, даже в начале XX века: «Пассажирские перевозки на большинстве линий обеспечивали две – три пары поездов в сутки». «Составы из пяти – семи вагонов неспешно двигались с маршрутной

(коммерческой) скоростью 20–25 км/ч, что «ненамного отличалось» от скорости грузовых составов. Первый в России электропоезд прошёл от Москвы до Мытищ в 1929 г., тогда как, например, в США это произошло ещё в 1895-м.

Как бы то ни было, писали мы в августе 2015 г., рассматривая роль Санкт-Петербурга в экономике Российской империи, железные дороги в определённый момент, по сути, стали “детонатором” экономического развития России: «Помимо расширения промышленности [их рост] вовлекал в хозяйственный оборот новые территории, способствовал развитию производительных сил и внутреннего рынка». Там же мы приводили блестящий синтез Энгельса из его статьи 1875 г. “О социальном вопросе в России”, которого он в точности продолжал придерживаться и спустя 17 лет: в письме Даниельсону от 22 сентября 1892 г. Энгельс увязывает роль железных дорог как драйвера экономического развития с фактором военного кризиса. Сначала он констатирует, что для обеспечения нормального функционирования железных дорог необходимо создание собственной современной крупной промышленности, а далее делает беспощадный вывод, заставляющий задуматься и над сегодняшней ситуацией: «Крымскую войну характеризовала [...] безнадёжная борьба нации с примитивными формами производства против наций с современным производством». Это предопределило военно-политическое фиаско царизма. Поражение стало детонатором ускоренного развития капитализма с переходом от полуфеодалных форм «к современным». Этот переход стал «окончательным после акта об освобождении 1861 года»⁶.

Июль 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 290.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 304.

3 – Кокорев В. А. Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1887. С. 13–15.

4 – Там же. С. 15.

5 – Ленин В. И. Указ. соч. Т. 3. С. 553–554.

6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 38. С. 398.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.

978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Хроники Шёлкового пути

Неостановимое азиатское перевооружение вокруг Дракона

Ежегодный диалог Шангри-Ла в Сингапуре зафиксировал новые военные шаги в Азии. Министр обороны Китая Дун Цзюнь является первым в истории адмиралом, занявшим этот пост. На переговорах со своим коллегой из США он осуждает размещение на Филиппинах американских ракет средней дальности «под предлогом военных учений». После Тайваня, «первой красной линии» для Китая, Южно-Китайское море является второй по важности темой дискуссий с американскими военными.

Китай продвигает собственный инклюзивный концепт «общей безопасности» вместо американского проекта «коллективной безопасности» в Азии, который Вашингтон осуществляет через альянсы и перевооружение. Чжао Минхао, бывший ученик Ван Цзиси, ныне член Института международных исследований в Фуданском университете, пишет на страницах шанхайской газеты «Пэнпай Синьвэнь», что «дивиденды мира в Азии» истощаются. «Украинский кризис» породил определённую реакцию, и многие страны воспользовались случаем, чтобы «подчеркнуть китайскую угрозу» и открыто продвигать военные бюджеты.

Азия зовёт к оружию

Япония «становится военной державой»: в Токио растут военные расходы, риторика и приготовления; он хочет сделать из Тайваня собственный вопрос безопасности и налаживает военные отношения с Австралией, Индией и Филиппинами. Заслуживают внимания дебаты о ядерном оружии в Южной Корее, «недооценённой военной державе», где впервые публично обсуждается независимое сдерживание. Австралия тоже увеличивает расходы, расширяет определение «прямых военных интересов» в Южно-Китайском море и подготавливает войну: доктрина безопасности Канберры сократила традиционное «время стратегического предупреждения» (в какой перспективе она считает возможным конвенциональный конфликт) с «десяти лет», принятых после второй мировой войны, до планирования на срок в три, пять и девять лет. Наконец, традиционно напряжённые темы становятся ещё более горячими в связи с индийским, индонезийским, вьетнамским и филиппинским перевооружением и милитаризацией оспариваемых вод.

Чжао, хотя и отмечает активность региональных держав, считает именно соперничество с США, побуждающее их к этому, действующей движущей силой напряжённости в Азии. Достаточно долго мы наблюдаем за дрейфом к реализму внутри старой американской партии в Китае, одним из столпов которой был Ван Цзиси в период мирного восхождения и «тихой сапы». Сегодня эти течения отмечают обострение противостояния с Соединёнными Штатами, но в рамках политики «двух рук» не отказываются от продвижения «стратегического диалога» с Вашингтоном или хотя бы от его продления, пока Китай наращивает свою военную мощь. Даже Чжэн Юннань, теоретик «нового открытия» из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне и представитель активной связи между течениями китайского Юга и крупными американскими группами, присут-

ствующими в Китае, внимательно рассматривает фактор перевооружения.

Гуанчжоу тоже думает о войне

Чжэн пишет на страницах *Greater Bay Area Review*, что «Китай не может игнорировать, что США готовятся к войне» и что «вероятность новой войны в действительности немалая». Среди американских течений, будь то «реалисты», что «оправдывают войны как неизбежность», или «либералы», растёт консенсус о столкновении демократий и недемократий. Чжэн комментирует ряд статей, опубликованных в *New York Times*, указывая на три черты развёртывания американских сил в Азии: выбор в пользу «сил, рассеянных по региону, а не сконцентрированных на крупных базах»; поставка ракет «Томагавк» Японии и возможное размещение ракет на Филиппинах; формирование нового берегового подразделения морпехов, оснащённого мобильными системами запуска ракет средней и большей дальности, которые можно оперативно перевозить с острова на остров в рамках своего рода партизанской тактики.

Существует и военно-политическая сторона. Соединённые Штаты куют «семь минилатеральных альянсов» вокруг Китая – два из которых, согласно Чжэну, находятся в процессе формирования – особенно с Вьетнамом, Индонезией и Японией. Затем, речь идёт о трёхсторонних форматах, которые США и Япония сформировали с Южной Кореей в Кэмп-Дэвиде и с Филиппинами в Вашингтоне, о оборонном пакте AUKUS с Великобританией и Австралией, о QUAD с Индией, Японией и Австралией и, наконец, о совместном использовании разведки в рамках союза «Five Eyes» с Великобританией, Австралией, Канадой и Новой Зеландией. Можно было бы добавить и очередную оборонную группировку «Squad», состоящую из США, Японии, Филиппин и Австралии, в рамках которой, по словам *Japan Times*, пройдут переговоры о размещении баллистических ракет средней дальности в Азии.

Китай и Европа: стратегические вопросы

По мнению Чжэна, однако, Китай также «молча подготавливается к различным возможным войнам». Эти рассуждения показывают, что военные приготовления являются неотъемлемой частью линии на переговоры со старыми державами о «переустройстве порядка». С одной стороны, китайская экономическая реструктуризация фактически ускоряет военную модернизацию; с другой стороны, Китая должен хотя бы какое-то время полагаться на частичное сдерживание, учитывая достигнутое в азиатском ближнем зарубежье превосходство, чтобы гарантировать эту модернизацию. Это позволило бы Пекину преодолеть нынешний период «быстрого разложения порядка», избегая войны. Перевооружение в азиатских странах может изменить этот расчёт, но на данный момент США «не уверены» ни в собственных способностях, ни в способностях своих союзников. Таким образом, растёт «вероятность войны», но не её близость.

Само собой, Чжэн подчёркивает угрозу катастрофического слома порядка, чтобы призвать к Европе: ей следует уравновешивать американские порывы и укреплять – совместно с Китаем и другими восходящими державами – «инклюзивный мультилатерализм», поскольку Евросоюз разделяет с Пеки-

ном интерес в «избегании конфликта» между Китаем и США и в расширении экономических и торговых отношений. Это оставляет для Европы и, может, ещё для нескольких стран в Азии «стратегическое пространство» – которое ранее автор приписывал также Японии и крупным американским группам – для «слома попытки США сдержать Китай». Значит, даже Гуанчжоу, узел открытости, должен искать меры предосторожности в виде перевооружения.

Авианосцы, самолёты и ракеты

Китай обладает тремя авианосцами и сейчас строит четвёртый. По мнению Института Вёсен и Осеней в Шанхае, реалистичной целью на среднесрочную перспективу являются шесть авианосцев. Fujian устанавливает на корабли электромагнитные катапульты, которые делают возможным взлёт более тяжёло вооружённых и оснащённых самолётов. Истребитель пятого поколения Shenyang J-35 находится в разработке. Успешное завершение проектов будет иметь большое значение для мировых стандартов. А ядерная тяга, установленная на четвёртый авианосец, может стать следующим шагом.

ВМФ НОАК одобрил поставку десяти ракетных эсминцев типа 055 больших размеров и имеет в качестве перспективе получить тридцать к 2035 году. Схожие с американскими крейсерами, эти корабли станут флагманами китайского флота. Однако каждый важный инструмент проекции силы является также мишенью, о чём свидетельствует затонувший в Чёрном море российский крейсер «Москва». Отсюда стремление увеличить защитный потенциал, и далее в том же духе.

The Economist пишет, что Китай идёт семимильными шагами в сфере военных технологий, сокращая отставание от старых держав. Проблемой является «ритм прогресса», о чём ведутся дебаты и внутри китайских вооружённых сил по ходу расширения международных обязательств. *Global Times* отрицает, что Китай строит военно-морскую базу в Реаме в Камбодже, но утверждает, что наступление китайского флота «в голубых водах, с большим количеством баз поддержки за рубежом, является разумной тенденцией».

Острова, проливы и перешейки

Канал Фунань-Течо в Камбодже, который строят китайские группы, соединит реку Меконг с портами Кампот и Сиануквиль вблизи Реама и позволит обойти дельту Меконга, находящуюся на территории Вьетнама. Эта операция беспокорит и Индию.

The Indian Express считает, что появление китайской военной структуры в Индийском океане, Пакистане, Мьянме

или на шести островах, где уже присутствует китайское посольство (Шри-Ланка, Мальдивы, Маврикий, Сейшелы, Мадагаскар, Коморы) – лишь вопрос времени. Индия строит военно-морскую базу в Миникое, в индийском архипелаге Лаккадивы, реагируя на требование соседних Мальдив вывести с их территории свой военный персонал. Нью-Дели подозревает, что Пекин подрывает его морские аванпосты.

Deccan Chronicle из Хайдарабада пишет, что воды вблизи Индии с каждым днём волнуются всё больше, усиливается военно-морская изоляция Андаманских и Никобарских островов на входе в Малаккский пролив, необходимых для противовеса Китаю в контроле над азиатскими торговыми путями.

Столетия военно-морской истории доказывают важность проливов и возможностей их обойти. Виджай Гокхале, бывший секретарь в МИДе и индийский посол в Китае и Германии, пишет в *Times of India* о проектах на перешейке Кра в Таиланде – это отнюдь не новая идея, о которой вспомнили в прошлом году на форуме Шёлкового пути. Автомобильное и железнодорожное сообщение между двух берегов позволило бы отчасти обойти Малакку, но ещё более негативными для Индии были бы стратегические последствия вмешательства Китая: на востоке Малайского полуострова с новой военной структурой в Камбодже, на западе Кра, в Андаманском море и Бенгальском заливе, где «начинают обретать смысл» крупные китайские портовые проекты в Мьянме и на Шри-Ланке.

Порты, коридоры и базы

Ли Цзимин, бывший китайский посол в Бангладеш, пишет на страницах «Гуаньча», что Шёлковый путь изменяет политическую и военную географию, прочерченную колониализмом и старыми державами. Три железнодорожных коридора, связывающих порты в Куантане и Кланге на двух берегах Малайского полуострова, китайский Куньмин (Юньнань) и Хайфон во Вьетнаме, Куньмин и Бангкок, приближают Китай к Сиамскому заливу; в то же время, посредством коридора Куньмин – Чауфью (Мьянма) Дракон опускает лапы в Бенгальский залив.

Рассматриваемые с этого ракурса, проекты «инклюзивного мультилатерализма» в Азии позволяют разглядеть диалектику между перевооружением и Шёлковым путём. В неявной форме кризис порядка проявляется в азиатском перевооружении, которое увеличивает число ключевых точек вокруг Китая. В Европе война возвращается. Азия войну готовит.

Политические семьи сионизма

Анри Лоран пишет (*“Les crises d’Orient”, vol. II, 2019*), что до *«урегулирования 1922 года»*, несмотря на растущие трения по поводу еврейских поселений, арабский национализм основывался на *«регионалистской идентичности»*, сложившейся за пять веков османского владычества. Речь о тех *«исторических фактах»*, которые озвучил в 1899 году, после первого сионистского конгресса в Базеле, бывший мэр Иерусалима Юсуф Дия аль-Халиди, представитель потомственной палестинской знати, в письме главной раввину Франции Задоку Кану. По словам аль-Халиди, *«исторически»* Палестина – *«это ваша страна, [...] но судьбы наций управляются не абстрактными концепциями, [...] а сложившимися фактами»*. *«Палестина является неотъемлемой частью Османской империи, что более важно, населена не израильтянами. Эта реальность сложившихся фактов, жестоких сил обстоятельств не даёт сионизму ни малейшего географического пространства для самореализации [...] не поставив под угрозу положение евреев в Турции. [...] Чтобы добиться целей, которые сионизм перед собой ставит, потребуются [...] выстрелы из пушек и с кораблей. И какая держава поставит их на службу Герцлю?»* (M. Abitbol, *“Histoire d’Israël”, 2024*).

По результатам разведмиссии в Палестину, инициированной в 1897 Максом Нордау, секретарём Теодора Герцля, два отправленных туда раввина доложили: *«Невеста прекрасна, но уже обвенчана с другим мужчиной»*. Это было явное опровержение пропагандистского тезиса Герцля, согласно которому эта страна была *«землёй без народа для народа без земли»*. Фактически, эта формула была разработана британскими представителями в ходе их паломничества в Палестину в середине XIX века. И Герцль, и течения левого сионизма верили в экономическое решение: импорт квалифицированной рабочей силы и еврейских и европейских капиталов, и как следствие, увеличение общей производительности, будет выгоден и для местного населения, что разрешит *«арабский вопрос»*.

Сионизм и арабский вопрос

Тезис раскрыл представитель так называемого *«культурного сионизма»* Ашер Гинцберг (1856–1927), с точки зрения которого еврейское возрождение должно происходить через восстановление исторического прошлого народа. Гинцберг критиковал представление о Палестине как о *«заброшенной земле»*. Она не только таковой не была, но её население было готово защищаться в случае угрозы: *«Если должен наступить момент, когда наш народ в Палестине разовьётся до того, что захватит [...] место тамошнего населения, – писал он в 1891 году, – последнее так просто не сдастся»* (A. Marzano, *“Storia dei sionismi”, 2017*).

Представитель марксистской тенденции Бер Борохов (1881–1917) и толстовец Аарон Давид Гордон (1856–1922) были главными теоретическими вдохновителями *«социалистического сионизма»*, которого придерживался Давид Бен-Гурион. В 1906 году Борохов утверждал, что *«освобождение еврейского народа»* может произойти только *«посредством рабочего движения»* в ходе *«классовой борьбы»*. В одном своём сочинении за 1905 год он рисовал перспективу мирных отношений с арабами на основе *«расовой близости»* евреев диаспоры и *«феллахов»*, палестинских крестьян, которых он считал *«прямыми потомками остатков еврейского сельскохозяйственного сообщества»*. Экономические факторы, – продолжал Борохов, – будут способствовать ассимиляции палестинского населения благодаря развитию производительных сил. Арабы же

не были и не будут долгое время нацией. Если палестинское меньшинство не будет ассимилировано культурным путём, *«еврейское демократическое общество»* позволит арабам сохранять *«культурную автономию»* внутри *«территориальной автономии»* сионистов.

Гордон, придерживающийся *«мистического народнического видения»*, оставил в наследство представителям второй *«алии»*, иммиграции еврейской диаспоры, две концепции, ставшие ключевыми: *«кибуш ха-авода, завоевание труда, средство физическо-духовного восстановления еврейского народа, и кибуш ха-адама, завоевание земли»*. Для новых иммигрантов практическим воплощением этих концепций стала формула *«еврейская земля – еврейский труд – еврейский продукт»* и вытеснение феллахов с *«земель, которые они возделывали и считали своими»*, хотя и были собственностью аянов, латифундистов, которые на деле проживали в городах, например, в Иерусалиме. К их числу относились и кланы аль-Хусейни и ан-Нашашиби, исторические соперники, которые в 1920-е годы боролись между собой за лидерство над зарождающимся палестинским национализмом.

Инструментом сионистской сельскохозяйственной колонизации был ККЛ, Национальный еврейский фонд, который должен был выкупать земли латифундистов и перепродавать их исключительно евреям. Аяны были заинтересованы в продаже земель, зачастую неудобных или малярийных, по завышенной цене. После покупки земли очищали, а палестинских крестьян – выселяли. Хотя это и нельзя называть экспроприацией – всё же, крестьяне не были собственниками, – тем не менее, это было принудительное лишение дома и изгнание с земли (G. Bensoussan, *“Il sionismo”, 2007*). До 1947 года, однако, сионистское движение сумело купить лишь 6 % земли в Палестине (B. Morris, *“Vittime”, 2001*; I. Rappé, *“Storia della Palestina moderna”, 2014*). В 1908 году была создана ILDC (Израильская компания по развитию земель), задуманная немцем Артуром Руппином (1876–1943) чтобы поддержать и обучить еврейских рабочих, переселявшихся на земли, купленные ККЛ.

Согласно Руппину, цель состояла в создании *«еврейской закрытой экономики»*, в рамках которой производители, потребители и посредники должны были быть евреями (A. Marzano, *op. cit.*). По этой модели были созданы *кибуцы*, аграрные поселения; историк Г. Шафир называет их *«чисто плантаторскими колониями»*, в основе которых контроль над землёй со стороны колонистов и использование *«рабочей силы, иммигрировавшей с родины»*. *«Сражение за завоевание работы»* сделало из еврейских рабочих *«националистических милитантов»*, которые пытались создать *«гомогенное еврейское общество»*, где не было бы *«ни эксплуатации палестинцев, ни конкуренции с палестинцами, поскольку больше не было бы палестинцев»* (*“Zionism and colonialism”, 1989*).

Социал-национальная теория Бен-Гуриона

Бен-Гурион отправился в Палестину в 1906 году в качестве милитанта партии *«Поалей Цион»*, основанной в России в 1903 году, а затем распространившейся на Австро-Венгерскую империю.¹ Её целью было собрать еврейские массы в Палестине, чтобы вести классовую борьбу. В 1919 году *«Поалей Цион»* раскололась на две фракции, и Бен-Гурион возглавил правое крыло: отсюда возникла партия *«Ахдут ха-Авода»* (*«Единство труда»*), которая в 1920 году основала *«Хагана»* (*«Защита»*), полувоенную силу, предтечу израильской ар-

мии, и *«Гистадрут»*, главный профсоюз, главой которого стал Бен-Гурион.

Согласно критике Зеэва Штернхеля, Бен-Гурион начал национальный ревизионизм своих социалистических позиций, называя *«нацию»* одним из моторов истории наряду с *«классовой борьбой»*. Идею сотрудничества арабо-еврейского класса он оставил в 1920-е годы, отдавая приоритет *«национальному строительству»* руками еврейского рабочего класса. По мнению Штернхеля, *«социализм стал [...] средством реализации сионизма»* (Z. Sternhell, *“Aux origines d’Israël”, 1996*; B. Morris, *“Vittime”, 2001*; Z. Lockman, *“Comrades and enemies”, 1996*). Доказательством этому служит даже название сборника эссе Бен-Гуриона, вышедшего в 1993 году: *«От класса к нации»*. Как считает Эли Барнави, *«в паре сионизм/социализм»* возобладал сионизм: *«Задачи национальной борьбы»* стали приоритетными (*“Storia d’Israele”, 1995*). Следствием стало исключение арабских рабочих из главной профсоюзной организации, ставшей одним из столпов государственного строительства в Палестине. Тем не менее, существовали арабо-еврейские профсоюзы, например, профсоюз железных дорог, основанный в 1919 году, в которых развилась *«солидарность между арабскими и еврейскими рабочими»* (Z. Lockman, *op. cit.*).

Берл Кацнельсон (1887–1944), один из основателей и идеологов *«Гистадрута»*, антимарксист и яростный противник лейбористской левой, был, по мнению Штернхеля, одним из главных представителей *«неосоциализма»*, или *«конструктивистского социализма»*, который напоминал опыт *«национального синдикализма»* итальянца Филиппо Коридони, последователя Муссолини, и бельгийца Мориса Деа. Кацнельсон изначально высказывался за мирное сожительство с арабским населением, но в 1937 году на конгрессе *«Гистадрута»* заявил: *«Я всегда придерживался мнения, что это было бы лучшим решением [...] я всегда думал, что [арабы] должны быть переселены в Сирию и Ирак»* (Israel Shahak, *“A history of the concept of transfer in Zionism”, 1989*). Штернхель вспоминает, что позиции Деа были популяризованы и на страницах *«Девар»*, газеты молодёжного движения *«Бетар»*.

Хаим Арлозоров (1899–1933), который по мнению ряда авторов прошёл марксистскую школу, критиковал подход Бен-Гуриона, разоблачая *«сегрегацию»* арабов и поддерживая линию арабо-еврейской интеграции. Он был убит в 1933 году в Тель-Авиве, вероятно, представителями сионистской правой. По мнению

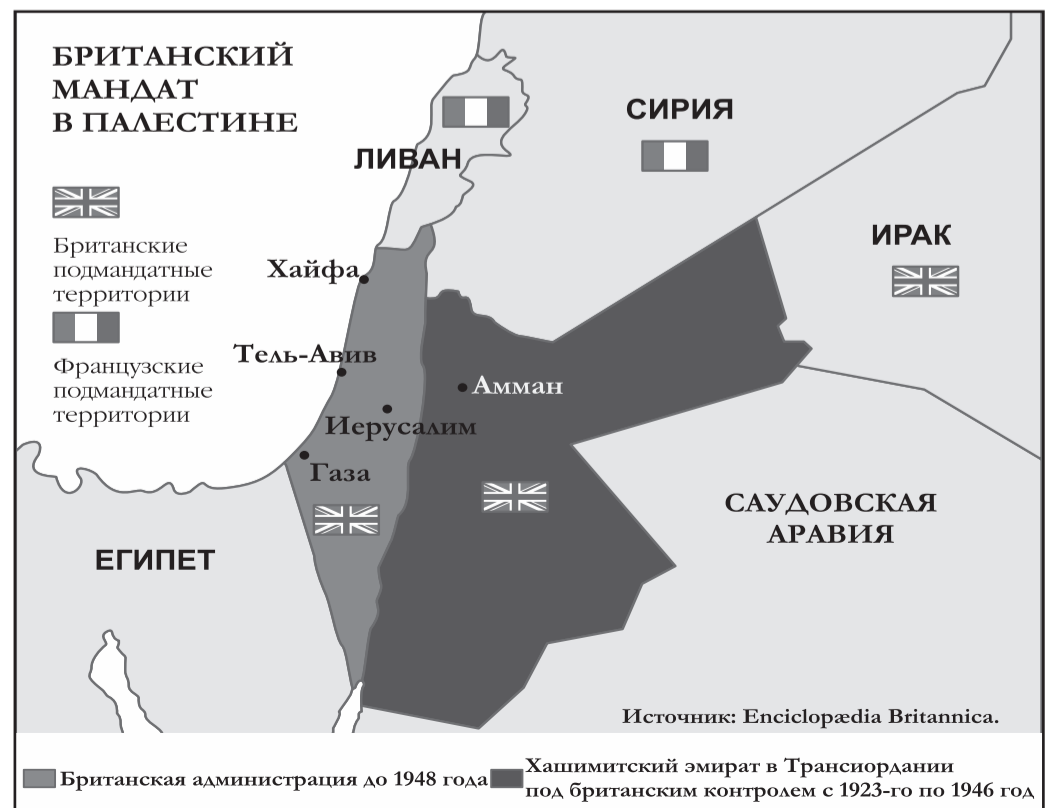
Тома Сегева, одним из мотивов убийства было заключённое Арлозоровым *«соглашение Хаавара»* (*“переезд”*) с нацистской Германией. Подписанное в 1933 году при центральной роли председателя Рейхсбанка Ялмара Шахта, оно разрешало эмиграцию немецких евреев в Палестину как один из инструментов способствования экспорту немецких товаров в страну. Этот договор долгое время оспаривался *«Бетаром»*, молодёжной организацией Ревизионистской сионистской партии Владимира Жаботинского, крупного национал-либерального соперника Бен-Гуриона (T. Segev, *“Il settimo milione”, 1999*; *“One Palestine, complete”, 2000*; E. Black, *“The transfer agreement”, 1984*).

Ревизионистский сионизм Владимира Жаботинского

Жаботинский (1880–1940), рождённый в Одессе в семье зажиточных *«ассимилированных»* евреев, был сторонником возвращения к видению Герцля еврейского государства в Палестине, противостоял двум другим течениям светского сионизма: лейбористскому и центристско-либеральному Хаима Вейцмана, или *«общим сионистам»*. В своём сочинении от 1923 года *«О железной стене»* он отстаивает несовместимость еврейского и арабского национализмов и необходимость разделения, опирающегося на *«стену из еврейских штыков»*, требуя для еврейского государства один или оба берега реки Иордан.

На основе соглашений в Сан-Ремо в 1920 году *ишув*, зона еврейского заселения, была ограничена Западной Палестиной, прибрежной полосой. По мнению Паппе, историка и представителя израильской антиссионистской левой, в ходе *«урегулирования 1922 года»* и разделения Палестины и Трансиордании был создан *«Западный берег»*, нынешняя Цисиордания, которая будет аннексирована Амманом в 1950 году и оккупирована Израилем в 1967 году. Согласно разделу, инициированному Черчиллем, эта территория отходила во владение хашимитского королевства, но *«демографическая реальность превратила расширенное владение в палестинское государство де-факто»*. Восходящий палестинский национализм второй половины 1930-х годов рассчитывал использовать это для подрыва легитимности монархии, по меньшей мере в Цисиордании (I. Rappé, *“The rise and fall of a Palestinian dynasty”, 2010*).

Ревизионистская концепция Жаботинского по крайней мере до 1930-х годов рассчитывала на *«пересмотр»*

и арабского национализма

британского мандата над Палестиной в сотрудничестве с Лондоном. Космополит Жаботинский с 1899-го по 1903 год обучался в Италии, говорил о ней как о «духовной родине». Он восхищался Рисорджименто, особенно Мадзини и Гарибальди, с которыми себя ассоциировал, а также идеализмом Бенедетто Кроче; он написал несколько статей о российских событиях для социалистической газеты *Avanti!*, был учеником Антонио Лабриолы. По мнению писателя Артура Кэстлера, это был «национал-либерал [...] в революционной традиции 1848 года»; Вальтер Лёкер называл его «сорелианцем, ни разу не читавшим Сореля» (*A history of zionism*, 2003). Он проявлял даже некоторое восхищение фашизмом Муссолини, особенно из-за своей растущей враждебности к социализму и коммунизму после 1917 года.

Более явными профашистские симпатии были внутри «максималистского» течения ревизионистского сионизма, которое в 1931 году дало жизнь полувоенным организациям «Эцель» (или «Иргун») и «ЛЕХИ» (известная как «банда Штерна»), отколовшимся от лейбористского ополчения «Хагана». Жаботинский, восхищавшийся британским парламентаризмом, был против гегемонии сионистского лейборизма и выступал за то, чтобы еврейское государство опиралось на средний класс ашкеназского происхождения, укоренённый в мелкой и средней промышленности. Он был яростным противником «профсоюзной диктатуры» лейбористов. Несогласие с предводителями сионистов побудило его сформировать Всемирный союз сионистов-ревизионистов в 1925 году и Новую сионистскую организацию в 1935-м.

Как пишет Барнави, антагонизм между ревизионистами и лейбористами стал «безвозвратным»: первые называли лейбористов «красной свастикой»; вторые называли активистов «Бетар» «фашистами и коричневорубашечниками» (*Storia d'Israele*, *op. cit.*). «Бетар» обвинило руководство лейбористов в уступке нацизму в ответ на соглашения Хаавара; лейбористы отвечали «Бетар» их же монетой, разоблачая тактический союз с украинским антисемитским режимом Симона Петлюры (1879–1926), которого считали виновным в еврейских погромах на Украине в ходе гражданской войны и которого убил в Париже еврейский анархист (Т. Сеgev, *op. cit.*; J. Veidlinger, *L'olocausto prima di Hitler*, 2023). По словам Штернхеля, «классовое сотрудничество» и симбиоз еврейских лейбористов и буржуазии в Палестине заставили Жаботинского искать «массовую базу» в мелкой буржуазии в Польше, учитывая, что часть польских еврейских масс всё ещё не были благосклонны к «элитаризму лейбористских лидеров и их презрению к традиционной идишской культуре». Жаботинский также осознал, что в деле национального строительства лейбористы оказались «финансово зависимыми» от еврейской диаспоры. Как раз «Бетар» и ревизионистская правая взяли контроль над еврейской эмиграцией из Польши и из Германии.

Арабский национализм

Большим преимуществом сионизма над арабским национализмом была, как подчёркивают Барнави, Абитбол и Витторио Дан Сегре (*Le metamorfosi di Israele*, 2006), европейская матрица и модель государства-нации. Палестина в османскую эпоху была отсталой сельскохозяйственной провинцией, территориально сформированной в 1856 году. Правящим классом была городская аристократия, связанная или с османской администрацией, эфенди, или с аянами, клановыми землевладельцами. В палестинских кру-

гах протонационалистические формулы были созданы по образцу египетских или сирийско-ливанских, выработанных в среде арабо-христианских меньшинств, которые вбирали в себя также антисемитские теории французского и европейского образца (М. Abitbol, *op. cit.*).

Как упоминалось, ключевыми фигурами палестинского национализма были кланы аль-Хусейни и ан-Нашашиби из Иерусалима, расколотые вековым соперничеством. С 1920-х по 1948 год ключевым действующим лицом палестинского национализма был Хадж Амин аль-Хусейни (1897–1974), дядя Ясира Арафата, будущего лидера ООП. Аль-Хусейни с 1921 года носил сан главного муфтия Иерусалима, верховного религиозного лидера в Палестине, имевшего большой вес в исламском мире. Получивший образование частично в Каире и частично в Стамбуле в школе администрации, в 1914 году он был призван в армию в звании офицера артиллерии. С 1918 года он был близок к кругам эфемерного сирийского королевства Фейсала и сторонником панарабизма.

Один анекдот даёт представление о противоречивых отношениях с британскими властями. В апреле 1920 года, после религиозных столкновений на могиле Моисея, развязанных, по мнению Паппе, из-за концентрации пасхальных празднеств евреев и порядка пяти христианских конфессий в Иерусалиме, аль-Хусейни был вынужден укрыться у иорданского бедуинского племени, поскольку был осуждён на десять лет тюрьмы за проведение пламенных митингов против британской администрации и сионистов. Жаботинского тоже арестовали – за нелегальное владение оружием. Герберт Сэмюэл, первый британский правитель на подмандатной территории, случайно пересёкся с аль-Хусейни во время визита к этому самому племени. Бриганец уже собирался его арестовать, но его разубедили бедуинские старейшины: племя насчитывало «тысячу ружей» и было обязано защищать аль-Хусейни «по законам гостеприимства». Сэмюэл дал своё разрешение на то, чтобы аль-Хусейни переехал в Дамаск.

В мае 1921 года произошли очередные и более жестокие столкновения в Яффе, впоследствии распространившиеся на другие области Палестины, которые начались из-за инцидентов во время первомайской демонстрации между лейбористскими милитантами и еврейскими коммунистами, требовавшими установления советской республики. Столкновения между манифестантами и британской полицией перекинулись на арабское население, и за шесть дней число жертв достигло сотни человек убитыми и ещё нескольких сотен ранеными.² Сэмюэл увидел в этом националистическое столкновение и ввёл ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину, которая испытывала рост из-за погромов на Украине и в Польше в 1919–1922 годах, а также антииммиграционных законов в США, принятых в 1922–1924 годах. Смерть главного муфтия Камиля аль-Хусейни в 1921 году заставила Сэмюэла выбрать ему преемника из той же семьи: Хадж Амин был возведён в высший сан 8 мая, во время беспорядков. Этот пост обеспечил новому муфтию значительные финансовые ресурсы, в том числе выделенные Высшему исламскому совету, руководство которым он осуществлял с 1922 по 1938 год, увеличивая свою политико-религиозную роль в Иерусалиме и Палестине.

Великий муфтий между антисионизмом и сделками с недвижимостью

Хусейни запомнился как зачинщик жестоких беспорядков 1929 года. Они

были связаны с взаимными провокациями между арабскими и еврейскими конфессиями, особенно со стороны «Бетара», вокруг Храмовой горы и Эспланады мечетей. Социальные условия жизни арабов также сыграли свою роль: вокруг городских центров образовались обширные кварталы трущоб. Затем Хусейни участвовал в восстании 1936 года и сотрудничал с фашизмом и нацизмом в 1940-х годах. Однако его отношения с британцами, а также с евреями не всегда были продиктованы враждебностью. Часто на первый план выходили личные и семейные интересы.

В отношении Лондона, по крайней мере до 1936 года, Хусейни добивался пересмотра Декларации Бальфура, но старался не подорвать свои собственные позиции и роль своей семьи, зависимые от доброй воли Великобритании. Паппе вспоминает, что один из его проектов, создание роскошного «Палас Отеля», предназначенного для еврейского и христианского религиозного туризма в Палестине, осуществлялся строительной компанией, которую также возглавлял Тувия Дунья, зять Хаима Вейцмана. На второй день рытья фундамента подрядчик обнаружил древние исламские гробницы. Муфтий велел продолжить работы, но держать их в секрете, так как семья ан-Нашашиби без колебаний использовала бы в своих целях факт «осквернения».

Дунья стал личным другом аль-Хусейни, который использовал его как канал связи с сионистским руководством, давая понять, что его оппозиция разделу Палестины была не «личной, а политической»: «Если бы я объявил своему народу, что достиг соглашения с евреями ценой уступок, весь арабский народ подверг бы меня остракизму и осудил бы как предателя, который продал свою родину». «Палас Отель» был закрыт в 1934 году из-за постройки конкурирующего и более роскошного «Царя Давида».

Шейх аль-Кассам и арабское восстание

Реальным лидером арабского восстания 1936–1939 годов, главным образом против британской оккупации, был не аль-Хусейни, который, согласно различным источникам, оказался застигнут врасплох и лишь позднее взял на себя руководство, а шейх Изз аль-Дин аль-Кассам (1882–1935). Аль-Кассам родился недалеко от Латакии (Сирия), учился в университете Аль-Азхар в Каире, где поначалу принял салафитскую идеологию, противостоящую османскому институциональному исламу; в 1911 году он поддержал джихад (священную войну) против итальянского вторжения в Ливию. В 1914 году вступил в османскую армию и возглавил партизанские действия против французов в начале 1920-х годов. По возвращении в Хайфу работал как проповедник и социальный реформатор, даже создал арабский профсоюз. Заимствуя модель египетских «Братьев-мусульман», возникших в 1928 году, он завоевал большую популярность как среди народа, так и среди городских слоёв Хайфы, особенно среди безземельных крестьян новой урбанизации.

В период с 1921 по начало 1930-х годов аль-Кассам тесно сотрудничал с великим муфтием, но, согласно различным источникам, эти отношения значительно ослабли из-за его независимой активности, видимо, направленной против линии аль-Хусейни, державшегося сотрудничества с британцами или, во всяком случае, не стремившегося к разрыву с ними (Elie Kedourie, *Zionism and arabism in*

Palestine and Israel, 1982). Кроме того, Аль-Кассам основал тайное общество «Чёрная рука», через которое он организовывал и проводил партизанские и террористические акции против британцев и сионистов. В ноябре 1935 года он был убит сотрудниками англо-палестинской полиции. Этот инцидент вызвал массовые демонстрации и забастовки по всей Палестине.

Для Бен-Гуриона смерть аль-Кассам была «воспитательным мифом» для молодых поколений арабов-палестинцев, похожим на смерть Иосифа Трумпельдора (1880–1920), вместе с Жаботинским основавшего в 1915 году «Еврейский легион» и погибшего в столкновении с арабами в Палестине. Ополчение его последователей, *Кассамиюн*, пять месяцев спустя совершило серию нападений на еврейских поселенцев, положив начало арабскому восстанию 1936–1939 годов. Это был крупнейший колониальный кризис Великобритании со времён событий 1919–1921 годов в Ирландии, и он представлял собой гражданский конфликт, предвосхитивший кризис 1946–1947 годов в Палестине, открывший первую арабо-израильскую войну.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

1 – Первая группа «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») была создана в 1900–1901 гг. в Екатеринославе. Затем организации возникли в Варшаве, Вильно, Витебске, Двинске, Одессе и других городах Российской империи. Первоначально они не имели определённой программы и организационных связей друг с другом. На основе кружков «Поалей Цион» в 1904–1906 гг. в России были созданы Сионистско-социалистическая рабочая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия, Еврейская территориалистическая рабочая партия. В декабре 1905 г. на конференции организаций «Поалей Цион» Юго-Западного края в Бердичеве произошёл раскол. Так называемые ортодоксы (во главе с Бороховым), главное своё внимание уделявшие сионизму, созвали в феврале 1906 г. в Полтаве Всероссийский съезд и подтвердили наименование Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион». В 1907 г. в Гааге представителями «Поалей Цион» разных стран Европы и Америки был учреждён Всемирный социалистический союз еврейских рабочих «Поалей Цион» (См. Коминтерн и палестинский вопрос // Пролетарский интернационализм. № 113. Февраль 2024).

2 – Весной 1921 г., вследствие принятая Социалистической рабочей партии Палестины – «Поалей Цион» (СРПП–ПЦ) первомайской демонстрации в арабской Яффе под лозунгами интернациональной «священной войны против общих врагов – еврейских, арабских и английских финансовых воротил» и создания «советской Палестины» вспыхнули арабо-еврейские столкновения. Арабы восприняли демонстрацию как «наступление большевиков». «Арабское население, склонность которого к организации погромов поощрялась английскими [...] провокаторами, с одной стороны, и его националистическими лидерами – с другой, не понимая значения демонстрации, напало на его участников и устроило еврейский погром, – писал агент-нелегал Коминтерна, позже – один из руководителей Палестинской компартии, А. М. Авигдор (Авигдор-Косой, Косой, К. Вайсс). – В результате около двухсот человек было убито или ранено, что дало повод, как сионистам, так и англичанам возложить за это ответственность на нас». Только что созданная Палестинская компартия была вынуждена перейти на нелегальное положение.

Крупные группы Китая

Десятилетие реструктуризации уско

Пятнадцать лет назад, спустя сорок лет бурного развития, китайский капитализм претерпел глубокую реструктуризацию. Преодолевав он и несколько частичных кризисов в рамках континентального экономического цикла. Инфляционный перегрев 1988–1989 гг. совпал с политическим кризисом площади Тяньаньмэнь; в 1998 г. азиатский финансовый кризис вынудил Пекин защищать либеризм и открытость ценой девальвации собственной валюты; в 2008–2009 гг. Китай, напротив, встретил глобальный финансовый кризис масштабными вливаниями в экономику, что поддержало глобальный цикл и отсрочило замедление экономического роста страны, но подстегнуло реструктуризацию. После 2019 г. к этому добавилась остановка экономического «кровообращения» из-за пандемии. Китай вновь открыл для себя силу внутреннего рынка, но после отмены ограничений, заставлявшие говорить о «долгом экономическом ковиде», стал более «зелёным», технологичным и ориентированным на внешний рынок.

По сути, реструктуризация предполагает установление нового соотношения между составными частями общественного капитала в результате неравномерного развития, которое характеризует непрестанную погоню капитализма за расширение и концентрацию. В различных волнах этого дыхания капитала кристаллизуется новое соотношение сил между экономическими группами, буржуазными фракциями, ключевыми экономическими областями внутри и за пределами Китая. Группы, связанные со старым циклом государственного капитализма, претерпели первую реструктуризацию в 1990-х гг., быстро поглощённую молекулярным развитием. После вступления в ВТО произошла волна пролетаризации, которая в первое десятилетие нового века вовлекла 1 % населения ежегодно. Наёмный труд миллионов пролетариев был выброшен на мировой рынок в качестве приданого, но эти залежи прибавочной стоимости оседали в сейфах китайских государственных и частных капиталистов. Когда основная часть неповторимого цикла урбанизации и экстенсивного развития завершилась, лозунгом фи-

нансовых олигархий в ходе реструктуризации стало выражение «go global!».

Китайское империалистическое развитие

На протяжении многих лет мы исследовали эти изменения, используя признаки империалистического развития, выявленные Лениным, в качестве критериев научного анализа, а не как простой набор теоретических иллюстраций, какими бы важными они ни были. Речь шла о том, чтобы увидеть, как промышленные и финансовые концентрации, рождённые Драконом, столкнутся друг с другом и глобализируются при разделе мирового рынка, и как экспорт капитала по новому Шёлковому пути инициирует новый раздел сфер экономического влияния между великими державами. Анализ пути империалистического развития, пройденного США и ЕС (в нашей научной терминологии – *американская канва* и *европейская канва*), позволил нам предположить сроки реструктуризации и в Китае.

В статье «Три битвы мировой реструктуризации» от января 2009 г. мы изучили состояние финансового, автомобильного и сталелитейного секторов в отношении реструктуризации и предположили, используя аналогии с Европой и Японией, что сталелитейная промышленность Китая достигнет своего пика в течение 6–10 лет. В статье «Наука «Капитала» и китайская реструктуризация» от июня 2016 г. мы находили подтверждение нашего метода также и в оценках Этьена Давиньона – реализатора политики сокращений в европейской сталелитейной промышленности 1980-х гг., в отношении аналогичных планов Пекина по реструктуризации.

Автомобильный сектор также повторил пример старых метрополий в отношении экономических, социальных и политических последствий реструктуризации. В статье «Восток и Запад в параболу империалистического реформизма»¹ от июля 2010 г. начало массовой автомобилизации в Китае сравнивается с итальянскими 1960-ми и японскими 1970-ми годами.

Показательные реакции

В ходе реструктуризации наука «Капитала» действительно позволила связать даже количественные закономерности этих процессов с глубокими движениями классов и фракций капитала, обеспечившими прорыв Поднебесной во втором веке империализма. По нашей оценке 2016 г., «десятилетие китайской реструктуризации» установило новый баланс сил и ознаменовало начало новой стратегической партии. Новая политическая кампания старых держав против китайских «избыточных мощностей» подтверждает этот вывод. За замедлением скрывалась реструктуризация: чем больше Китай сокращал старые мощности и увеличивал внутреннее потребление, тем больше он обновлялся и проецировал себя на мир. Реакция атлантических метрополий показательна в том смысле, что она отражает особенности китайского империалистического созревания, производства и экспорта капитала, реструктуризации крупных групп и массированного экспорта противоречий.

Wall Street Journal осуждает «китайский шок 2.0»: Китай продвинулся вверх по «цепочке создания стоимости», избыточные мощности по производству товаров, выливающиеся на мировой рынок, теперь касаются не текстиля или стали, а «новых производительных сил», субсидируемых Пекином, или «трёх новых» секторов, названных премьером Госсовета Ли Цяном: электромобилей,

литий-ионных аккумуляторов и фотоэлектрических батарей. Мартин Вулф обращает внимание на перепроизводство капитала, а также на перепроизводство товаров: если «избыточные сбережения» не найдут применения на внутреннем рынке, инвестиции будут искать выхода в экспорте, который не смогут поглотить ни старые метрополии, ни глобальный Юг. Аппетиты и реакции держав находятся в противоречии. Романо Проди в *Messaggero* не исключает даже беспрецедентной конкуренции между старыми метрополиями за привлечение китайских инвестиций в будущем.

Централистские и промышленные линии

Соперничество экономических моделей находит выражение как в столкновениях политических линий между державами, так и борьбу между этими линиями внутри самих держав. В Китае в рамках кампании в поддержку внутреннего спроса сходятся множество течений. В политической оптике Лу Мина из Шанхайского университета Цзяотун линия внутреннего потребления является политически централистской, поскольку борется с провинциальным протекционизмом, препятствующим внутреннему обращению. Хуан Ипин, декан Национальной школы развития Пекинского университета и бывший член комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая, признаёт, что «китайские избыточные мощности» подпитывают протекционистскую реакцию в Америке и Европе, но это способствует дальнейшей оптимизации промышленной политики: «Она должна быть нацелена больше на поддержку инноваций, а не производства, и её следует сворачивать по мере необходимости».

Дебаты между Джастинем Ифу Линем и Чжан Вэйином, сооснователями Национальной школы развития в 1994 г., не утихают уже тридцать лет. *The Economist* называет их китайскими Кейнсом и Хайеком. Их взгляды на промышленную политику и роль рынка вновь становятся предметом обсуждения в ходе реструктуризации. В статье «Кантон вновь обуславливает реструктуризацию Пекина» от мая 2017 г. мы говорили о перетасовках государственных, частных и смешанных групп, через которые Пекин оформляет завершение политического цикла государственного капитализма.

Балансы крупных групп за десятилетие

Оценивая десятилетие реструктуризации, нельзя не иметь в виду, что за эти же десять лет параллельно развивался Шёлковый путь, в рамках которого с 2013 г. было экспортировано 1 трлн долл. в виде энергетических и инфраструктурных проектов по евразийским маршрутам. Была частично реализована линия Юй Юндина, высокопоставленного чиновника монетарной власти, подразумевающая диверсификацию иностранных активов и сокращение китайских запасов американских казначейских облигаций с более чем 1.300 до 775 млрд долл.

При оценке этого десятилетия также необходимо учесть положение крупных групп. Из китайского издания *Fortune* за 2023 г. мы получили данные 481 компании, зарегистрированной в Китае, и сравнили его с рейтингами десятилетней давности. Это крупнейшие концентрации, около сотни из которых теперь регулярно входят в число 500 крупнейших групп в мире по обороту (см. таблицу). Это элита буржуазной экономической власти Китая и его ключевых регионов,

суперпровинций Пекина, Шанхая и Гуанчжоу, к которым относятся соответственно 122, 126 и 97 групп из списка.

Из 428 промышленных и торговых групп рейтинга десятилетней давности 231 компания к настоящему моменту была, уступив место другим или будучи поглощённой ими, либо обанкротившись. Таким образом, за десятилетие список обновился примерно наполовину, причём за один 2014 г., первый год реструктуризации, уже обновилась десятая часть рейтинга (см. «Первый год реструктуризации», февраль 2016 г.). Численность сотрудников рассматриваемых компаний увеличилась с 10,7 до 24,8 млн при заметном увеличении средней численности. Если принять этот критерий за показатель концентрации, то наибольшие скачки мы увидим в энергетическом и горнодобывающем секторах, что также было зафиксировано нами в последние годы; также значительный рост персонала компаний сопровождает расширение автомобильного, химического, электронного и телекоммуникационного секторов. Мы видим рост концентрации наёмных рабочих в крупных группах в одном из крупнейших резервуаров пролетариата в мире.

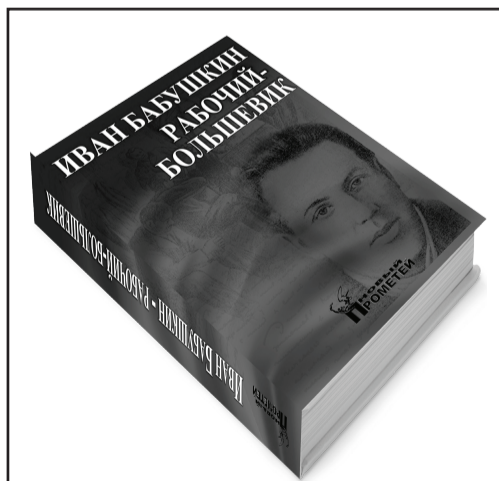
Наконец, 197 компаний, оставшихся в рейтинге по прошествии десяти лет, включая слияния, служат примером темпов экспансии империалистических группировок. Сложный процент реального среднегодового прироста активов составляет 10 %, что выше, чем прирост ВВП за тот же период, и это является признаком того, что верхняя часть таблицы сохранила очень высокие темпы накопления. Товарооборот вырос на 8 %, причём пики наблюдались в секторах, связанных с массовым потреблением. Компании сектора автомобильной промышленности увеличили товарооборот на 11 %, капитал – на 14 %, численность занятых – на 10 %.

Китайский План Давиньона

Половина металлургических групп объединится в результате слияния сталелитейных компаний или вытесняется другими, работающими с цветными металлами, связанными с электрификацией. Обзор финансовых итогов позволяет вернуться к анализу реструктуризации китайской сталелитейной отрасли, который мы проводили в 2016 г. в сравнении с *европейской канвой*.

В то время Пекин ввёл директивы о «замене мощностей», которые требуют при установке новых производственных линий демонтировать эквивалентный объём старых. По данным ОЭСР, это подтолкнуло некоторые группы к выходу на внешние рынки: они реализовали 21 проект совокупной мощностью 70 млн тонн (Мт) в Юго-Восточной Азии («Latest developments in steelmaking capacity»). По китайским данным, с 2017 г. было добавлено 390 Мт мощностей по производству чугуна, но в то же время были закрыты доменные печи общей мощностью 465 Мт, особенно с тиглями объёмом менее 1200 м³; добавлены новые кислородные конвертеры (BOF) мощностью 312 Мт стали, но 435 Мт демонтированы; новые электропечи обеспечили 122 Мт, а со старыми ушли 85 Мт, т. е. баланс положительный. Кроме того, ОЭСР сообщает, что с 2017 г. было закрыто 140 Мт серых мощностей, не отражённых в официальной статистике.

При общей мощности около 1.200 Мт это означает, что по меньшей мере треть сталелитейной промышленности Китая в настоящее время затронута процессом обновления. Под неподвижной поверхностью тонн произведённой продукции идёт обширная реструктуризация. По мнению ОЭСР, «новые заводы предна-

ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

рывает ход перемен

значены для производства стали с высокой добавленной стоимостью для удовлетворения спроса на плоский прокат в секторах автомобилестроения и бытовой техники».

В июне 2016 г., комментируя оценки Давиньона, мы предупреждали: «Сокращение старых мощностей – это лишь один аспект реструктуризации, и даже не самый важный, потому что новые заводы обесценивают старые. По сути, план Давиньона представлял собой битву за производительность, а в Европе его реальной предпосылкой были инвестиции 1970-х годов. Производственные мощности сначала выросли со 140 Мт в 1970 году до 200 Мт в 1980-ом, а затем до 160 Мт в 1986-ом, но при вдвое меньшем количестве доменных печей и рабочих» («Аналогии между Европой и Китаем в свете китайского «плана Давиньона», сентябрь 2016 г.). Пекин воспользовался европейским опытом и в 2021 г. ввёл критерий «сначала построить, потом демонтировать».

Мы можем прочесть об этом в «Эссе о финансовой работе» Си Цзиньпина 2024 г.: речь идёт о создании «новых развивающихся секторов», которое при этом не ускорило бы демонтаж традиционных отраслей, которые «в течение некоторого времени» будут выполнять функцию стабилизирующего «балласта» экономики. Намерение реформистов состоит в том, чтобы управлять реструктуризацией путём минимизации триады «финансовых рисков в секторе недвижимости, в локальных долгах и в малых или средних финансовых учреждениях», то есть региональных банков и провинциальных фондов. Исследование крупных групп позволяет нам увидеть эти движения в экономической структуре.

«Головокружительные перемены»

В китайском тексте «Поиск пути: финансовая стратегия китайской модернизации», опубликованном в этом году финансовым гигантом CITIC, бывший мэр Чунцина Хуан Цифань пишет: «Глобальная битва между промышленными цепочками сосредоточена вокруг потребительских товаров длительного пользования стоимостью несколько триллионов долларов. Каждые двадцать-тридцать лет во всём мире репрезентативными становятся четыре-пять продуктов». В 1950-х и 1960-х гг. в Китае это были часы, велосипеды, швейные машины и радиоприёмники; в 1980-х и 1990-х гг. – кондиционеры, телевизоры, холодильники и стиральные машины; затем появились сотовые телефоны, ноутбук и автомобили. Financial Times ввела выражение «головакружительные перемены», чтобы описать полвека капиталистического развития, урбанизации и пролетаризации с точки зрения социальной психологии. Прямо во время китайской автомобилизации на рынок врывается электромобиль.

В этом секторе доминируют шанхайская SAIC, основанная в 1950-х гг. и в 1984 г. создавшая совместное предприятие с Volkswagen, и Contemporary Amperex Technology, известная как CATL, основанная в 2011 г. и развивающаяся во всём мире благодаря производству литий-ионных аккумуляторов. Они хорошо иллюстрируют «старую» и «новую» отрасли, которые меняются в процессе реструктуризации. BYD (Build Your Dreams) – новаторская группа по производству электромобилей, основанная в 1995 г. в Шэньчжэне.

В начале 2024 г. в Китае будет ездить не менее 20 млн электромобилей из более чем трёхсотмиллионного парка, а также будет установлено 9 млн зарядных станций, включая «государствен-

ные» (3 млн) и частные (6 млн). На каждой колонне смогут заряжаться две машины, и Пекин стремится сравнять счёт к концу десятилетия. Но темпы распространения автомобилей и зарядных станций неравномерны, чему способствует беспорядочная спешка операторов зарядки (Telaidian, StarCharge, YKC, State Grid), тех же старых и новых производителей автомобилей, а также нефтехимических гигантов (Sinopec, PetroChina), которые управляют половиной автозаправочных. Ожесточённая битва только началась, она определяет первые шаги рынка. Это «момент создания» рынка, в ходе которого многие игроки прокладывают себе путь под эгидой центральных и местных планов. В рейтинге запечатлено много «жизненной энергии», бурлящей в чреве китайского дирижизма.

Борьба за моторизацию

По данным пекинской консалтинговой компании Duokr Information, BYD построила для своих клиентов 1,4 млн частных зарядных станций, а Telaidian – 1,8 млн, но цифры быстро меняются. Сначала производители авто обеспечили подключение своих электромобилей и гарантию пожизненной зарядки, затем предоставили бесплатные пакеты зарядки и, наконец, выгодные цены, открыв зарядные станции для клиентов других автопроизводителей. Для управления контрактами между производителями и операторами возникли приложения для пополнения счёта, а вместе с ними и борьба за привлечение клиентов часами работы, расположением и ценами, что немного похоже на то, что происходит в Европе между операторами мобильной связи и Интернета. «Государственные» зарядные станции, установленные в супермаркетах, на автозаправочных станциях и т. д. позволяют заряжать быстрее, но по более высоким ценам; частные станции могут быть установлены за определённую плату с предварительного разрешения склочных «цзюйвэйхуэй» («районных комитетов», действовавших во время пандемии), и эта плата зависит от цен на недвижимость.

То, что происходит в Китае благодаря комбинации действий электроэнергетических и автомобильных групп, а также попыткам нефтехимических компаний сохранить темпы, может послужить примером не только для других метрополий, но и для новых регионов Шёлкового пути, обширным полем деятельности китайских электроэнергетических групп. В Китае, пишет Хуан Цифань, канва автомобилизации будет иметь оригинальные характеристики. Он предполагает, что продажи автомобилей увеличатся с 27 до 40 млн в год и что показатель автомобилизации увеличится с 214 авто на 1000 жителей в 2021 г. до 500 через 10 лет, то есть парк автомобилей, находящихся в эксплуатации, достигнет примерно 700 млн единиц, часть из которых будет электрическими. В феврале 2016 г. в статье «Промышленные ставки на китайскую автомобилизацию» мы написали, что китайская автомобилизация началась, когда её показатель превысил 100 автомобилей на 1000 жителей. В Европе этот показатель увеличился со 100 до 300 за пятнадцать лет, в Японии – за десять лет, а в Китае – со 100 до 200 за пять лет. Именно темп перемен подвергает мир испытаниям.

Lotta comunista, май 2024 г.

1 – La Barbera G. Crisi globale e ristrutturazione europea. Milano: Lotta Comunista, 2013.

100 КРУПНЕЙШИХ ГРУПП КИТАЯ В ЦИФРАХ				
ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	АКТИВЫ	ОБОРОТ	ЧИС-ТЬ ЗАНЯТЫХ
New Hope Holding Group	Чэнду (Сычуань)	49.488	41.426	123.933
Добывающая и угледобывающая промышленность				
China Energy Investment	Пекин	281.587	121.584	310.753
Jinneng Holding Group	Датун (Шаньси)	160.235	77.761	470.839
Shandong Energy Group	Цзинань (Шаньдун)	137.900	124.089	232.841
Shaanxi Coal & Chemical Industry	Сиань (Шэньси)	104.788	75.871	138.047
Shanxi Coking Coal Group	Тайюань (Шаньси)	75.193	41.662	214.769
China National Coal Group	Пекин	70.504	41.997	147.293
Нефтехимия				
China National Petroleum Corp.	Пекин	637.223	483.019	1.087.049
Sinopec Group	Пекин	368.751	471.154	527.487
China National Offshore Oil	Пекин	219.416	164.762	81.775
Shaanxi Yanchang Petroleum (Group)	Сиань (Шэньси)	70.896	52.224	129.525
Электроснабжение				
State Grid	Пекин	710.763	530.009	870.287
State Power Investment	Пекин	229.339	54.022	123.401
China Huaneng Group	Пекин	205.184	63.284	124.588
China Southern Power Grid	Гуанчжоу (Гуандун)	166.026	113.674	271.202
China Huadian	Пекин	148.926	45.113	92.857
Химия – фармацевтика				
Sinochem Holdings	Пекин	229.659	173.834	223.448
Sinopharm	Пекин	81.654	94.075	201.508
Zhejiang Rongsheng Holding Group	Ханчжоу (Чжэцзян)	56.816	86.166	23.316
Shenghong Holding Group	Сучжоу (Цзянсу)	29.893	61.251	39.059
Zhejiang Hengyi Group	Ханчжоу (Чжэцзян)	19.554	57.332	21.261
Строительство – инжиниринг				
China State Construction Engineering	Пекин	386.249	305.885	382.492
China Communications Construction	Пекин	344.369	138.270	221.017
China Railway Engineering Group	Пекин	234.956	171.669	314.792
China Railway Construction	Пекин	221.617	163.037	342.098
PowerChina	Пекин	187.768	99.020	182.424
China National Building Material Group	Пекин	101.920	56.514	208.857
China Energy Engineering Group	Пекин	98.548	54.890	116.263
Pacific Construction Group	Урумчи (СУАР)	55.154	79.478	301.565
Shanghai Construction Group	Шанхай	53.182	42.522	51.353
Susun Construction Group	Шанхай	32.994	46.138	151.135
Guangzhou Municipal Construction Group	Гуанчжоу (Гуандун)	28.664	39.258	44.825
Металлургия				
China Baowu Steel Group	Шанхай	179.760	161.698	245.675
China Minmetals	Пекин	153.155	133.541	183.298
Aluminum Corp. of China	Пекин	90.619	76.946	130.416
HBIS Group	Шиньцзячжуан (Хэбэй)	78.229	59.563	99.807
Shougang Group	Пекин	75.225	36.853	91.165
Ansteel Group	Аньшань (Ляонин)	69.740	50.041	163.992
Jiangsu Shagang Group	Чжанцзяган (Цзянсу)	49.903	42.784	45.203
Zijin Mining Group	Луньянь (Фуцзянь)	44.372	40.187	48.836
Amer International Group	Шэньчжэнь (Гуандун)	31.835	90.498	23.175
Jiangxi Copper	Гуйси (Цзянси)	30.396	74.927	33.248
Машиностроение – электромеханика				
China State Shipbuilding	Шанхай	136.965	51.799	204.497
CRRC Group	Пекин	74.224	34.697	170.184
Sinomach	Пекин	51.583	51.126	125.370
Аэрокосмическая промышленность				
Aviation Industry Corp. of China	Пекин	185.527	81.671	383.000
China Electronics Technology Group	Пекин	86.146	55.848	235.912
China North Industries Group	Пекин	75.355	82.689	216.339
China Aerospace Science & Industry	Пекин	75.170	37.371	141.260
China South Industries Group	Пекин	59.633	43.429	156.613
Автомобили и комплектующие				
SAIC Motor	Шанхай	143.552	110.612	154.863
Contemporary Amperex Tech. (CATL)	Ниндэ (Фуцзянь)	87.130	48.849	118.914
China FAW Group	Чанчунь (Цзялинь)	86.465	87.679	119.487
Zhejiang Geely Holding Group	Ханчжоу (Чжэцзян)	81.291	60.396	131.517
Dongfeng Motor	Ухань (Хубэй)	73.288	68.416	134.637
BYD	Шэньчжэнь (Гуандун)	71.603	63.041	570.060
Beijing Automotive Group	Пекин	68.342	67.282	95.000
Guangzhou Automobile Industry Group	Гуанчжоу (Гуандун)	57.256	77.345	119.425
Электроника – телекоммуникации – информационные технологии				
China Mobile Communications	Пекин	331.724	139.597	452.202
Huawei Investment & Holding	Шэньчжэнь (Гуандун)	154.237	95.490	207.000
China Telecommunications	Пекин	151.749	87.166	392.726
China United Network Communications	Пекин	93.471	52.766	244.508
China Electronics	Шэньчжэнь (Гуандун)	61.129	40.326	184.940
Xiaomi	Пекин	39.655	41.631	32.543
Lenovo Group	Гонконг	38.920	61.947	77.000
Бытовая техника				
Midea Group	Фошань (Гуандун)	61.265	51.393	166.243
Haier Smart Home	Циндао (Шаньдун)	34.194	36.201	109.586
Текстильная промышленность – мода				
Hengli Group	Сучжоу (Цзянсу)	48.633	90.944	170.125
Shandong Weiqiao Pioneering Group	Биньчжоу (Шаньдун)	37.309	74.923	98.100
Интернет и СМИ				
Alibaba Group Holding	Ханчжоу (Чжэцзян)	255.263	126.813	235.216
Tencent Holdings	Шэньчжэнь (Гуандун)	228.808	82.440	108.436
ID.com	Пекин	86.303	155.533	450.679
Транспорт – торговля – трейдинг				
China Post Group	Пекин	2.131.968	110.271	752.547
China Merchants Group	Гонконг	381.608	73.283	276.019
COSCO Shipping	Шанхай	161.552	93.181	107.793
Zhejiang Communications Investment Gr.	Ханчжоу (Чжэцзян)	121.861	46.617	41.757
Xiamen C&D	Сямынь (Фуцзянь)	104.907	125.971	40.959
COFCO	Пекин	100.848	110.222	103.537
Xiamen ITG Holding Group	Сямынь (Фуцзянь)	46.715	103.090	32.856
ФИНАНСОВЫЕ КОМПАНИИ				
Банки				
Industrial & Commercial Bank of China	Пекин	5.742.860	214.766	427.587
China Construction Bank	Пекин	5.016.806	202.753	376.682
Agricultural Bank of China	Пекин	4.919.030	187.061	452.258
Bank of China	Пекин	4.192.115	156.924	306.182
Bank of Communications	Шанхай	1.883.724	78.213	91.823
CITIC Group	Пекин	1.536.521	100.769	172.761
China Merchants Bank	Шэньчжэнь (Гуандун)	1.470.004	72.317	112.999
Industrial Bank	Фуцжоу (Фуцзянь)	1.343.541	60.962	69.840
Shanghai Pudong Development Bank	Шанхай	1.262.056	54.028	64.731
China Minsheng Banking	Пекин	1.051.974	44.582	62.615
Shenzhen Investment Holdings	Шэньчжэнь (Гуандун)	153.290	37.888	103.117
Guangxi Investment Group	Наньнин (ГЧАР)	108.649	31.263	33.856
Guangdong Guangxin Holdings	Гуанчжоу (Гуандун)	18.453	35.368	40.613
Страховые компании				
Ping An Insurance	Шэньчжэнь (Гуандун)	1.614.738	181.566	344.223
China Life Insurance	Пекин	888.306	151.487	180.619
China Pacific Insurance (Group)	Шанхай	315.534	67.696	104.502
People's Insurance Co. of China	Пекин	218.805	91.535	177.852
Недвижимость				
China Poly Group	Пекин	265.106	67.696	118.007
China Vanke	Шэньчжэнь (Гуандун)	254.765	74.901	131.817
Country Garden Holdings	Фошань (Гуандун)	252.924	63.979	69.932
Greenland Holding Group	Шанхай	197.953	64.802	70.177
Данные финансовой отчётности за 2022 год, в миллионах долларов.				
Источники: наша обработка данных "Fortune Global 500", "Fortune China" и новостей компаний.				

Промышленность и фармацевтика

Big Pharma

В биотехнологическом сражении

Британский биохимик Кевин Дейвис, основатель и редактор журнала *Nature Genetics*, реконструировал события «одной из самых значительных научных революций в истории» («Редактируя человечество. Революция CRISPR и новая эра редактирования генома», Альпина Паблицер, 2024). Благодаря реализации проекта «Геном человека» перед учёными открылась возможность выявить гены, ответственные за наследственные заболевания или предрасположенность к другим патологиям. Но исправление «дефектных» последовательностей ДНК путём их удаления или замены непосредственно в клетках человека оставалось «химерой».

Проект «Геном человека» был официально запущен в 1990 году и завершён в 2000-м, но только через несколько лет после этого стало возможным считать ДНК секвенированной практически полностью, тогда как биологические функции большинства выявленных генов до сих пор не выяснены.

Первоначальная стоимость проекта составила 2,7 миллиарда долларов, и основная часть генома была картирована в течение двух лет. За следующие двадцать лет скорость секвенирования, то есть «считывания» генетической информации, выросла в геометрической прогрессии, а стоимость резко упала.

Сегодня рекордная скорость секвенирования генома человека достигла пяти часов, хотя чаще требует нескольких недель (MIT, 2023). В 2001 году, согласно расчётам Национального института исследования генома человека, стоимость секвенирования генома человека составляла около 100 тысяч долларов, через двадцать лет она упала до менее чем тысячи долларов, а сегодня секвенирование генома в лаборатории можно провести дешевле 500.

Что стоит за Нобелем

В 2012 году Эммануэль Шарпантье из Швеции и Дженнифер Дудна из Калифорнии сообщили в журнале *Science*, что биологический механизм, который миллионы лет использовался бактериями и археями (древними одноклеточными микроорганизмами) для защиты от вирусов, может быть адаптирован с помощью генной инженерии и использован в лабораторных условиях для разрезания отдельных последовательностей ДНК. Исправление генетических дефектов в живых клетках больше не является химерой. Был найден метод, который «проще, быстрее и гораздо дешевле, чем более ранние разработки по редактированию генома». «Учёные и специалисты отредактировали целый Ноев ковчег растений и животных» (К. Дейвис, указ. соч.). В 2020 году эта пара учёных была удостоена Нобелевской премии по химии.

Дейвис не преуменьшает заслуг Шарпантье и Дудны. Однако он отмечает, что они «объявили о судьбоносном открытии, стоя на плечах множества исследователей по всему миру, которые трудились в тени, пытаясь понять биологическое предназначение системы CRISPR». Далее он реконструирует вклад многих других исследователей, малоизвестных за пределами научного сообщества, который затмила самая престижная и громкая научная премия.

«Новой эре» редактирования генома дало старт открытие Франсиско Мохики, микробиолога из Университета Аликанте. Изучая галофильные археи из солончаков, Мохики в 1992 году заметил в их геноме короткие повторяющиеся последовательности (clustered regularly interspaced short palindromic repeats) с неизвестной функцией. В действительности подобные последовательности были обнаружены несколькими годами ранее двумя японскими исследователями в широко распространённой бактерии (*Escherichia Coli*), но это наблюдение было проигнорировано и забыто. Спустя несколько лет Мохики сумел проследить, как образования, которые он в 2001 году назвал CRISPR, связаны с особой системой иммунной защиты бактерий от вирусов. Работа Мохики была опубликована в 2004 году во «второстепенном» научном журнале, после того как её отклонил более престижный *Nature*. К первоначальной «горстке исследователей, которые проявляли осторожный интерес» к этому открытию, присоединились другие коллеги из разных стран. Они обменивались информацией и наблюдениями в лабораториях университетов и исследовательских центров по всему миру. Это привело их к выявлению системы CRISPR/Cas, где Cas означает «CRISPR-ассоциированная последовательность», фермент, который, руководствуясь последовательностями РНК, разрезает ДНК вторгшегося вируса.

Соперничество за первенство

Научные открытия – это результат коллективной работы, сотрудничества, конкуренции и соперничества. И речь не только о вопросах престижа. Достижения науки и техники (даже если они создаются с помощью государственного финансирования) неизбежно принимают форму товаров и, следовательно, присваиваются частным образом для коммерческого использования открытий и изобретений. Система CRISPR/Cas9 – это не изобретение, подлежащее защите в качестве интеллектуальной собственности, а явление, существующее в природе уже миллионы лет. Однако использование такой системы в клетках млекопитающих требует биотехнологических инноваций, и право собственности на коммерческие права, в перспективе многомиллиардные, возникающие в результате её применения, заявлено в десятках патентов. Технология CRISPR/Cas9 находится в центре патентного спора, который длится с 2012 года и до сих пор не разрешён полностью. В то время как некоторые из патентов были в итоге зарегистрированы, как, например, патент Виргиниуса Шикшниса из Вильнюсского университета и Рокфеллеровского университета, другие остаются в центре судебных процессов, который ведущий эксперт в этой области Джейкоб Шеркоу назвал «самым грандиозным патентным спором в области биотехнологий за последние десятилетия» (К. Дейвис, указ. соч.).

Всего через полгода после того, как Шарпантье и Дудна объявили о воспроизводимости системы CRISPR/Cas9 в лабораторных условиях, Институт Броуда (Кембридж) в сотрудничестве с аргентинцем Лучано

Марраффини из Рокфеллеровского университета и одновременно с группой Джорджа Чёрча из Гарвардской медицинской школы продемонстрировали, что с помощью CRISPR/Cas9 можно изменять ДНК млекопитающих. Институт Броуда в Кембридже и Калифорнийский университет, а также Венский университет и Шарпантье теперь оспаривают первенство и его многомиллиардные плоды.

Двое бывших коллег, Чжан из Института Броуда и Дудна из Беркли, теперь оказались по разные стороны баррикад, а европейские и американские патентные ведомства стали ареной боёв за гранты, отзывы и апелляции между двумя самыми престижными американскими университетами.

Скупка технологий

Переписывание генома сулит безграничные возможности использования: в медицине для диагностики и лечения бесчисленного числа заболеваний, а также во всех сферах промышленности, где биотехнологии уже широко применяются.

Интенсивные процессы трансформации и концентрации происходят во всём мире «наук о жизни». После эпохи пандемии, когда всё, что было связано с медициной, вызывало настоящую «эйфорию», жёсткий рыночный отбор вывел из игры многие мелкие биотехнологические компании. Число банкротств в 2023 году было самым высоким за десятилетие (*The Economist*, 4 мая). Даже крупные компании, которые пережили исключительный бум продаж благодаря Covid-19, такие как Pfizer, BioNTech и Moderna, владельцы самых успешных вакцин, столкнулись с падением оборота. В 2023 году оборот компании Pfizer сократился почти вдвое по сравнению с предыдущим из-за снижения продаж вакцины Comirnaty и противовирусного препарата Paxlovid (*Fierce Pharma*, 15 апреля). Тем не менее, крупным компаниям удаётся привлекать капитал. По данным журнала *The Economist*, индекс акций американских *Big Pharma* в период с 2021 по 2023 год вырос на треть. В отличие от них, небольшие биотехнологические компании страдают от нехватки капитала.

Согласно Evaluate, в 2024 году в биофармацевтический сектор ждёт укрепление, о чём свидетельствует рост числа IPO (первичных публичных размещений акций), а также слияний и поглощений (M&A). По прогнозу исследовательской компании IQVIA, в 2024 году объём сделок в биотехнологическом и фармацевтическом секторе составит от 180 до 200 миллиардов долларов, тогда как в 2022 году он достигал всего 85 миллиардов долларов (*The Economist*, 4 мая).

Всё чаще инкубаторами инноваций становятся небольшие биотехнологические компании, которые проводят многолетние исследования, прежде чем вывести на рынок хотя бы один препарат. В 2023 году 57 % всех новых лекарств, одобренных в Америке, были разработаны небольшими компаниями, по сравнению с 40 % восемью годами ранее, сообщает *The Economist*. *Big Pharma* конкурирует за этот растущий резервуар инноваций, опираясь на свою финансовую мощь. По данным IQVIA, пятнадцать крупнейших мировых фармацевтиче-

ских производителей могут заключить сделок по слиянию и поглощению на 800 миллиардов долларов США.

С другой стороны, масса лекарственных препаратов, производимых в рамках биотехнологических цепочек поставок, постоянно растёт. В 2014 году на их долю приходилось 24 % от общего объёма продаж рецептурных и безрецептурных препаратов в мире по сравнению с 76 % препаратов, произведённых по «традиционным» технологиям. В 2023 году это соотношение составило 39 против 61 % соответственно, а по прогнозам на 2028-й оно может достигнуть 44 против 56 %. Среди 100 самых продаваемых лекарств на долю биотехнологий приходится 60 % продаж (Evaluate, «World Preview 2023»). По оценкам Evaluate, в 2028 году общий объём продаж биотехнологических препаратов превысит 649 миллиардов долларов США благодаря новым технологиям, включая генное редактирование. На этих цифрах сказываются непомерно высокие цены на новые препараты. Но объёмы также увеличиваются. В 2022 году Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов впервые одобрило больше биотехнологических «больших молекул», чем химических «малых молекул».

Производители фармацевтической продукции сталкиваются с проблемой истечения сроков действия патентов на старые препараты, хотя и существуют различные методы для продления их срока действия. Оценивается, что к 2028 году патентную защиту потеряют препараты стоимостью в 6 % от общего объёма рынка, или 1,6 триллиона долларов США (Evaluate, указ. соч.). Потеря патентной защиты означает конец монопольного положения, конкуренцию со стороны дженериков и биоаналогов (в случае биопрепаратов), которые дешевле оригиналов, и, как следствие, снижение прибыли.

Дженерики и биоаналоги уже доминируют на рынке наиболее распространённых лекарств. В странах ОЭСР в среднем 54 % выписываемых рецептов приходится на дженерики (25 % в стоимостном выражении), в Италии – 27 % по количеству и 9 % по стоимости (ОЭСР, 2023). По данным ведущей отраслевой ассоциации (Association for Accessible Medicines, 6 сентября 2023 г.), в среднем в Европе на дженерики приходится 70 % рецептов, а в США – до 90 % при 18 % в денежном эквиваленте.

Это «сломаный рынок», пишет *Financial Times*. По мнению лондонской газеты, логика реакции *Big Pharma* на дженерики заключается в том, чтобы отказаться от производства старых, широко используемых лекарств и сосредоточиться на инновационных, гораздо более дорогих и прибыльных методах лечения. Другой стороной является то, что нехватка широко используемых лекарств достигла «рекордного уровня», как в Европе, так и в Америке (28 марта).

Новые рубежи медицины омрачаются запредельными ценами. Список препаратов, которые трудно найти или производство которых сталкивается с проблемами, становится всё длиннее. Таковы побочные эффекты процессов концентрации.

Выборы в США

Кокусы в Палате представителей

«Можно ли ещё называть Республиканскую партию “партией”?, – вопрошает комментатор Брет Стивенс в дебатах с Дэвидом Бруксом в *New York Times* от 11 января 2023 г. Два консервативных комментатора задаются этим вопросом, потому что движение «восприняло Дональда Трампа как своего знаменосца и образец для подражания».

Теневые партии

15 января 2024 г. обозреватель Эзра Кляйн по случаю отставки спикера Палаты представителей Кевина Маккарти написал, что республиканцы оказались зажатые в ловушке между деньгами и СМИ. Он цитирует Николь Хемер, доцента кафедры истории в Университете Вандербильта, специализирующуюся на истории консервативных СМИ в США с 1940-х гг., постоянного обозревателя *Washington Post*, *US News & World Report*, *CNN* и автора книги *“Partisans: The Conservative Revolutionaries Who Remade American Politics in the 1990s”*.

По мнению Хемер, Республиканская партия «передала на аутсорсинг большую часть своих традиционных партийных функций, [...] финансирование она передала¹, а средства массовой информации – правым СМИ». Республиканская партия прошла через тот же процесс трансформации, что и промышленность, – аутсорсинг своей деятельности. Внешние группы, такие как *Americans for Prosperity*, *Heritage Action* и *American Legislative Exchange Council*, сложные и хорошо финансируемые организации, действуют как «теневая республиканская партия», пишет Кляйн, и определяют свою повестку дня.

New York Times уравнивает критику республиканцев критикой Демократической партии: обозреватель Памела Пол пишет 2 ноября 2023 г., что «демократы – злейшие враги сами себе». Она цитирует Джона Б. Джудиса и Рюя Тейшейру, авторов книги 2002 г. *“The Emerging Democratic Majority”*, в которой утверждалось, что из-за демографических изменений, связанных с увеличением веса меньшинств, к 2010 г. в Америке будет демократическое большинство. Наша критика этих тезисов содержится в статье «Сражение за испаноязычное население и наёмных работников» от декабря 2012 г.

Джудис и Тейшейра признали несостоятельность своего пророчества и полагают, что оно не сбылось, потому что демократы стали продвигать интересы своих спонсоров. По их мнению, большая часть повестки дня Демократической партии была навязана «теневой партией», состоящей из финансистов с Уолл-стрит, из Голливуда и Кремниевой долины, а также богатых фондов.

По данным Федеральной избирательной комиссии, на выборах в Конгресс в 2002 г. Национальный комитет Республиканской партии потратил 650 млн долл. в текущих ценах, а Национальный комитет Демократической партии – 459 млн долл., т. е. суммарные траты достигли 1,1 млрд долл. В том же году общая стоимость выборов составила 2,2 млрд долл. Таким образом, в 2002 г. внешние группы профинансировали 50 % предвыборных расходов обеих партий.

На промежуточных выборах 2022 г. в пользу республиканцев было потрачено 4,2 млрд долл., а в пользу демократов – 4 млрд долл. Национальный комитет Демократической партии внёс в эти расходы 1,4 млрд долл., а Национальный комитет Республиканской партии – 1,2 млрд долл. Таким образом, расходы на предвыборную кампанию были поддержаны внешними группами на уровне

65 % у демократов и 71 % у республиканцев (*OpenSecrets*). «Теневые партии» внешних спонсоров сейчас доминируют в американском избирательном процессе.

Кокусы

Решение Верховного суда 2010 г. позволило внешним спонсорам свободно тратить средства на выборы. Это сделало избранных представителей относительно независимыми от партийной организации, лишённой власти. Хотя большинство законопроектов может быть внесено любой палатой Конгресса, Конституция гласит: «Все законопроекты о повышении доходов должны исходить от Палаты представителей». Именно там, в U. S. House of Representatives, определяет финансовая политика.

Реконструировать действия 435 депутатов не просто даже журналистам, которые следят за ними ежедневно. Мы попытались сделать это, используя некоторые источники: *“Congressional Member Organizations and Informal Member Groups: Their Purpose and Activities, History, and Formation”* от Congressional Research Service (21 марта 2023); *“The 8 types of Democrats and Republicans in the House”* от FiveThirtyEight (1 мая 2024); *“In a Chaotic House, the Next Speaker Must Unite These Three Factions”* (*Wall Street Journal*, 10 октября 2023); *“Informal Congressional Caucuses & The Policy Process”* от Wilson Center (18 ноября 1998); *“The House’s Ideology, in Seven Circles”* от Roll Call (19 января 2016); *“Meet ‘the five families’ that wield power in McCarthy’s House majority”* (*Washington Post*, 17 апреля 2023); *“Deconstructing the Dais: House committees in the 117th Congress”* от Congressional Progressive Caucus Center (7 декабря 2022). На военных парадах помост (*dais*) представляет собой приподнятую платформу, с которой просматриваются войска, произносятся речи и отдаются приветствия.

В Палате представителей депутаты, формально разделённые принадлежностью к одной из двух партий, группируются в неформальные организации – кокусы (их не следует путать с кокусами на партийных конференциях или праймериз, даже если для их обозначения используется этот же термин). Мы имеем дело с многопартийной системой под прикрытием двухпартийности. Кокус в Конгрессе – это структурированная, но неформальная группа членов, которые объединяются для достижения общих законодательных целей в рамках общих интересов. Это происходит в основном в Палате представителей, поскольку среди сенаторов, представляющих интересы штатов, большее значение имеют отдельные личности, которые координируются лидерами двух партий в Сенате.

Рост числа кокусов – явление преимущественно недавнего времени: хотя они и существуют с 1959 г., их значение растёт с уменьшением контроля партий над своими депутатами и увеличением внешнего финансирования. В нынешней Палате представителей 460 кокусов по сравнению со 100 в 1993 г.

Кокусы в Конгрессе могут попасть в одну из следующих трёх категорий, в зависимости от интересов, которые они представляют. *Идеологические кокусы*, основанные на определённых идеологических взглядах внутри партии. Кокусы *избирателей определённой национальности*, которые выражают интересы конкретных групп избирателей, таких как женщины, этнические группы и ветераны, например, *Congressional Black Caucus* для афроамериканцев, *Congressional Hispanic Conference* для латиноамериканцев, *Congressional Asian Pacific American Caucus* для азиатов, *Service*

Women and Women Veterans Caucus для женщин, служивших в армии. Наконец, кокусы по *группам интересов*, которые выражают особые интересы, например, *Congressional Coal Caucus* (добыча угля) или *Congressional Dairy Farmer Caucus* (молочная промышленность).

Идеологические кокусы

Принадлежность к идеологической кокусам указывает на политические приоритеты: это сопоставимо с принадлежностью к традиционной партии. Ниже приводится список основных идеологических кокусов Палаты представителей. Отдельные депутаты могут входить в состав нескольких кокусов, а некоторые, напротив, предпочитают не вступать в союз ни с кем.

Congressional Progressive Caucus (CPC). Состоит из 100 депутатов-демократов (45 % демократов в Палате представителей), основан в 1991 г. Фундаментально поддерживает государственные расходы в форме вэлфера и придерживается более левых позиций по сравнению с Демократической партией. В него входит Александрия Окасио-Кортес, организатор кампании сенатора Берни Сандерса на президентских выборах 2016 г., который, выдвинув свою кандидатуру, бросил вызов Хиллари Клинтон. Несмотря на то, что Окасио-Кортес является фигурой, наиболее известной СМИ, в нынешнем законодательном органе президенту Джо Байдену приходится обсуждать свой политический выбор с лидером CPC Прамилой Джаяпал, имеющей тамильское происхождение и родившейся в Ченнаи, Индия.

New Democrat Coalition (NDC). В него входят 99 членов-демократов (44 % депутатов-демократов). Его описывают как левоцентристский, умеренный в финансовом отношении и дружественный бизнесу, поддерживающий свободную торговлю и сектор высоких технологий. Во время президентства Билла Клинтона он поддерживал политику «Третьего пути».

Blue Dog Coalition (BDC). Состоит из 18 членов-демократов (8 % депутатов-демократов): называет себя сторонником финансово ответственной и сильной национальной обороны.

Problem Solvers Caucus. Межпартийная группа из 52 членов (27 демократов и 25 республиканцев, что составляет 12 % членов соответствующих партий в Палате представителей). Это единственный кокус, в который входят как республиканцы, так и демократы, и который стремится предлагать политику, пользующуюся поддержкой обеих партий.

Republican Governance Group (RGG). В него входят 45 республиканцев (21 % республиканцев в Палате представителей). Считается правоцентристским, консервативным в финансовом отношении и сильно связанным с ВПК.

Republican Study Committee (RSC). Состоит из 147 республиканцев (70 % депутатов-республиканцев), поддерживает высокие военные расходы и ограничение веса федерального правительства.

Freedom Caucus. Состоит из 41 члена-республиканца, обычно считается самым консервативным и крайне правым блоком в Палате представителей. Он был образован в январе 2015 г. группой консерваторов и участников Tea Party. Поддерживает политику Трампа «America First» и бросает прямой вызов традиционному республиканскому руководству. Поскольку партия имеет незначительное большинство в 4 места, 41 член *Freedom Caucus* имеет решающее значение в определении политики республиканцев в палате представителей.

Main Street Caucus. Группа из 67 консерваторов, которая часто пересекается с членами *Republican Governance Group*. Остро заинтересован в разработке законов, ориентированных в первую очередь на экономику и национальную безопасность.

Ограничения президентства

В американской президентской республике у президента меньше власти, чем обычно полагают: назначения его министров должны быть одобрены Сенатом, а законы – обеими палатами Конгресса. Независимо от того, кто победит – Трамп или Байден, новому президенту придётся вести переговоры не только с Сенатом, но и с кокусами Палаты представителей. Например, в вопросе о помощи Украине оппозиционный *Freedom Caucus* требовал переговоров длиной в шесть месяцев. В конце концов помощь была одобрена большинством, пересекающим границы двух основных партий: в общем голосовании (311 за и 112 против) республиканцы разделились на 101 за и 112 против. В книге об администрации Байдена *“The Last Politician”*, вышедшей в 2023 г., Франклин Фокс пишет, что главные заботы президента-демократа были связаны не республиканцами, а с демократами в Палате представителей из *Congressional Progressive Caucus* и с демократом в Сенате Джо Мэнчином: без их согласия было невозможно принять в Конгрессе законы о федеральных расходах.

В текущих выборах мало знать, кто победит – Трамп или Байден, Демократическая партия или Республиканская. Не меньшее значение будет иметь то, как организуются депутаты и сенаторы и какой вес будут иметь различные течения в виде кокусов.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

1 – PAC (political action committee) – комитет политических действий.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невский
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Апартеид по-итальянски

В своём ежегодном докладе Фабио Панетта, глава Центрального банка Италии, открывает раздел, посвящённый экономике страны, тремя важнейшими вопросами: заработной платой, занятостью и сокращением населения. Всё это он берёт в контексте «*недавнего восстановления*» итальянской экономики, и в каждом аспекте это звучит скорее как отягощающее обстоятельство, а не как успокаивающий фактор.

Три аспекта итальянского отставания

Действительно, на фоне восстановления экономики Италии, которое происходит быстрее ожидаемого и даже быстрее, чем в других крупных европейских странах, заработная плата остаётся на четверть ниже, чем во Франции и Германии: отставание от них даже увеличилось с начала века, когда оно составляло около 15 %.

Даже в сфере занятости, хотя последние данные свидетельствуют о значительном росте, уровень участия в рабочей силе по-прежнему остаётся на 8 процентных пунктов ниже среднего по Еврозоне. Но в конечном итоге эти данные являются лишь *политическими цифрами*, с помощью которых политики повсюду, не только в Италии, пытаются скрыть неприглядную реальность. Эндрю Кеннингем, глава отдела экономики Европы в Capital Economics, британской исследовательской и консалтинговой компании, опрошенный *Le Monde* (5 мая), отмечает: «*Европа перешла к несколько более американской модели: работа есть у каждого, но плохая*». Это немецкие *mini-job*, контракты с гибким графиком, работа через платформы-посредники и т.п., что является единственным вариантом для множества молодых людей, особенно иммигрантов.

Наконец, существует демографическая проблема, «*демографическое оледенение*», по выражению мозгового центра Fondazione Nord Est, причём потепления, которое положило бы конец зиме, не предвидится. Панетта приводит две ключевые цифры: к 2040 году образуются дефицит в 5,4 миллиона человек трудоспособного возраста, и это с учётом въезда 170.000 иммигрантов в год; в результате ВВП упадёт на 13 % (!), или на 9 %, если считать на душу населения.

Мировой рынок труда

А вот и необходимые «*ответные меры на рынке труда*»: «*более интенсивный поток иммигрантов, чем закладывает ISTAT*», которым придётся «*управлять в координации с другими европейскими странами*». Беспокойство управляющего Центральным банком явно просматривается в его предложении найти баланс между «*потребностями производства и социальным равновесием*»: он явно опасается разжигания антимигрантских кампаний. Шовинистические настроения очевидно поднимаются вопреки требованиям времени, но становятся темой электро-альной гонки.

Что касается возможностей, которые даёт иммиграция для сокращения дефицита рабочей силы, то примером может служить немецкий опыт: из сирийских беженцев, прибывших в Гер-

манию в 2015 году, на сегодняшний день две трети трудоустроены, а среди мужчин – три четверти (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 21 мая).

Реальная проблема, с которой вскоре столкнутся передовые метрополии – это скорее то, о чём говорит Романо Проди в *Messaggero* от 18 мая: в течение нескольких лет «*начнётся конкуренция не только между компаниями, но и между самими странами*» за привлечение иностранной рабочей силы, и это приведёт к «*гонке*» зарплат, а также предлагаемых условий труда и жизни.

Пятьдесят лет задержки

За развитием событий на страницах этой газеты мы следим уже давно. Следует отдать должное Проди, который уже много лет присматривался к этому вопросу. В 1978 году он призывал к немедленному решению вопроса о том, «*хотим ли мы более низких темпов роста при закрытом обществе или более быстрого развития, которое, однако, нуждается в иммигрантах*». Вспомним, что Арриго Черветто сразу же обратил внимание на это заявление, поместив его в своих заметках. То, что сегодня демографическая динамика делает очевидным для всех, можно было понять уже 50 лет назад.

Панетта также обращает внимание на цифру в 525.000 молодых итальянцев, эмигрировавших в период с 2008 по 2022 год, из которых лишь треть вернулась обратно. Что побудило этих молодых людей, особенно выпускников университетов, покинуть Италию? «*Гораздо более выгодные условия оплаты труда и карьерные возможности*». И вот мы возвращаемся к вопросу о зарплате.

Пятьдесят лет банкротств

По мнению управляющего ЦБ, в основе отставания Италии в зарплатах лежит «*стагнация производительности*». На этот показатель влияет множество факторов. Один из них, на который ссылаются многие аналитики, – это малый размер компаний. Хотя «*вес крупных компаний, которые могут лучше воспользоваться преимуществами технологий и интернационализации*», увеличился, количество малых компаний всё ещё слишком велико.

Фабрицио Онида, заслуженный профессор Университета Боккони, называет пути повышения производительности: «*Прежде всего, [необходимо] преодолеть всё ещё распространённый риторический соблазн “малое – значит хорошее”*», в результате которого в 2019 году занятые на «*микропредприятиях*» составляли 44 % рабочей силы в Италии, по сравнению с 22 % во Франции и 19 % в Германии (*Il Sole-24 Ore*, 14 апреля). Такая реальность, отмечает он, стала возможной благодаря многочисленным нормативным актам, которые благоприятствуют компаниям, желающим оставаться «*ниже порога*» [увеличения масштаба] в пагубном стремлении к *большой фискальной и профсоюзной защите*. Последнее относится также к *старому проклятию* межклассовости, которое на протяжении десятилетий направляло политику профсоюзов на защиту интересов широких слоёв мелкой буржуазии.

Что ещё можно сказать об ужасном конце Сатна-ма Сингха, индийского рабочего из общины сикхов в Агро-Понтино? Без прикрас произошло следующее. Рабочему оторвало руку упаковочной машиной на дынном поле; вместо того, чтобы отвезти в больницу, его трусливо бросили на улице, руку положили рядом, в ящике для овощей; в результате – смерть от потери крови, которой можно было избежать. На несколько часов, на несколько дней это проливает немного света на условия жизни множества рабочих физического труда. Сотни тысяч иммигрантов, нанятых нелегально, которых шантажируют в связи с отсутствием вида на жительство; подённая работа, погрузка на рас-свете в старые микроавтобусы; жалкая зарплата, два-четыре евро в час; недостойные условия проживания в лачугах и деревенских развалинах, без уборных и водопровода. А дальше – спектакль по законам *их политики*. Единодушное возмущение, поток «*больше никогда*», риторика о *невидимых рабочих*, а также вечное переключивание ответственности: что делает нынешнее правительство, что делала оппозиция, сама будучи в правительстве.

Самое честное признание на этот раз прозвучало из уст известного тележурналиста: вот в какую страну мы превратились. Целые отрасли, от севера до юга, зависят от труда иммигрантов, и при этом в Италии есть два расизма: расизм тех, кто выступает против мигрантов, пытаясь оседлать электоральную волну, но также тех, кто молчит, потому что ситуация их устраивает. В Южной Африке и на юге США *апартеид*, режим сегрегации, был закреплён в законе. Здесь, в Италии, стране солнечного света и лицемерного разгильдяйства, действует *апартеид по-итальянски*: делают, но не признаются, знают, но притворяются незнающими. И всё же за каждой тарелкой помидоров и корзиной фруктов на столе стоят тысячи Сатнам Сингхов; на строительных лесах нет ни одного каменщика-итальянца; сиделки, которым доверен уход за пожилыми людьми, – это украинки, молдаванки или латиноамериканки; фабрики и маленькие заводы не будут принести прибыль без бенгальских или сенегальских рабочих.

Но есть множество молодёжи и рабочих, которые не согласны быть соучастниками лицемерия и варварства, и они нуждаются в перспективе. Борьба за единство нашего класса возможно. Возможно проявить реальную солидарность против любого расизма и любой дискриминации. Через волонтерскую деятельность рабочих кружков лежит конкретный путь интернационалистской оппозиции.

Франческо Джавацци возвращает к этой теме в *Corriere della Serra* от 27 мая, признавая провал итальянской буржуазии: «*Десятки лет мы тщетно пытались увеличить размеры наших компаний*». Это признание поражения: итальянский правящий класс так и не смог в полной мере найти реформистский выход из профсоюзного цикла, который начался на рубеже 1960-70-х годов. Слабость профсоюзов сделала всё остальное.

Восстановление заработной платы

Рабочим же остаётся только терять в покупательной способности. За 30-летний период 1990–2020 годов потери в заработной плате в Италии составили 2,9 %, единственный случай среди стран ОЭСР. Но по сравнению с 2008 годом, по данным Международной организации труда (МОТ), потери составили 12 % (*Corriere della Serra*, 9 мая). Происходящее сейчас снижение инфляции само по себе не гарантирует восстановления того, что было потеряно в прошлые годы. Именно с этой точки следует начинать осмысление сроков действующих коллективных договоров.

Президент Бундесбанка Йоахим Нагель отмечает, что, особенно в Германии, «*зарплаты в последнее время выросли довольно резко*». Однако, добавляет он, «*это произошло после того, как покупательная способность зар-*

плат была значительно ослаблена высокой инфляцией». В заключение он говорит: «*Я не вижу признаков того, что спираль цен и заработных плат станет самоподдерживающейся*» (*Handelsblatt*, 22 мая). Запомним это.

Национальные контракты

В Италии, по данным ISTAT, наблюдается потеря более 10 пунктов даже по фактической заработной плате, которая включает в себя все бонусы, корпоративные и индивидуальные, сверх национальных контрактов. Конечно, число работников, получающих бонусы от компании, выросло, но в любом случае среди работников частного сектора их всего около 25 процентов. Для подавляющего большинства нашего класса восстановление заработной платы остаётся частью вопроса обновления национальных контрактов.

Поэтому все силы должны быть направлены в это русло, начиная с продления контракта металлургов, который истекает 30 июня. В заметке FIOM, комментирующей первую встречу с противоположной стороной, отмечается, что «*впервые переговоры начинаются с вопроса о заработной плате*». Судя по негативной реакции предпринимательской ассоциации Federmeccanica, продолжать придётся в том же духе.

Lotta comunista, июнь 2024 г.

Спорная преемственность

Mariano Barbato, "Wetterwechsel. Deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Scholz". 2022, Campus Verlag, Frankfurt am Main ["Меняющиеся времена. Внешняя политика Германии от Бисмарка до Шольца"].

Мариано Барбато – доцент Университета Пассау (Мюнхен), область его исследований – международные отношения и европейская интеграция.

Он детально изучил дебаты в немецкоязычных изданиях о международной роли и перспективах Германии в свете новой стратегической фазы. В тексте проводится анализ внешней политики различных канцлеров, последовательно сменявших друг друга, от Бисмарка до Шольца, и подчёркивается значительная степень преемственности, связанная с центральной позицией фигуры канцлера: внутренней ролью главы администрации федерального государства и ролью представителя государства за рубежом.

Преемственность канцлерства в Германии

Ревизионистский замысел Барбато подталкивает его подчёркивать общие черты немецкой истории, начиная с XIX века. В частности, Барбато приходит к выводу о том, что нацистское государство было преемником Германской империи и Веймарской республики в своих претензиях на роль мировой империи или, по крайней мере, великой европейской державы.

Нацистское государство поначалу придерживалось традиции внешнеполитического ревизионизма Веймарской республики. Наибольших успехов режим достиг в преодолении Версальского порядка, что было подготовлено Густавом Штресманом (канцлер с августа по ноябрь 1923 года и министр иностранных дел с 1923 по 1929 год) и Генрихом Брюнингом (канцлер с марта 1930 по май 1932 года и министр иностранных дел с октября 1931 по май 1932 года) во времена Веймарской республики, а также в возрождении Германии как великой европейской державы после мирового экономического кризиса, преодоленного с трудом. Барбато считает, что, начиная с Бисмарка, внешняя политика Германии может быть понята как ряд неизменно тщетных попыток договориться правовом равенстве и роли младшего пар-

тнёра сначала с Великобританией, а затем с США. Напомним, что в 1980-х годах немецкий академический мир был расколот ожесточённым *Historikerstreit*, "спором историков", который в конечном итоге касался дилеммы роли нацизма в линии преемственности немецкой истории. Складывается впечатление, что Барбато этот вопрос не слишком заботит.

В конце второй мировой империалистической войны, – напоминает Барбато, – в 1947 году, Контрольный совет союзников исходил из предположения, что Германская империя, основанная Бисмарком "железом и кровью", была частью проблемы, которую нужно решить и устранить. На повестке дня в Потсдаме демилитаризация и децентрализация стояли в одном ряду с денацификацией и демократизацией. Именно в Потсдаме Конрад Аденауэр увидел воплощение в жизнь бисмарковского "кошмара коалиции" (*Cauchemar de coalition*). Антигитлеровский альянс захватил власть в Германии и разделил империю, которая потеряла около трети своей территории. Около 14 миллионов человек бежали или были депортированы. В 1950 году восемь миллионов жили на Западе, четыре – в ГДР.

Гельмут Коль стал канцлером в благоприятный момент немецкой истории. И он смог воспользоваться "кайросом" (подходящим моментом). Продолжая успехи Гельмута Шмидта, Коль, в отличие от Бернхарда фон Бюлова, фактически добился "места под солнцем" в Европе. После воссоединения Германия стала, в том числе и для Востока, державой статус-кво. Конец разделения Германии и отказ от восточных территорий положили конец немецкому ревизионизму.

Германия обретает политическую ответственность

В золотую четверть века глобализации, с 1989 по 2014 год, Берлин верил, что может играть роль великой экономической державы по отношению к Москве и Пекину, возможно, даже в ущерб США.

Предупреждающие сигналы президентства Трампа и Брексита, такие как альянс AUKUS между Австралией, Великобританией и США против Китая, оказали давление на немецкое внешнеполитическое сознание.

По мнению Барбато, статус полугегемона, которого добился Бисмарк, не сможет превзойти и республиканский Берлин. Китай в мировой политике уже не удастся укротить, более того, его необходимо признать мировой державой. В ноябре 2021 года Кристофер Кларк, вручая Ангеле Меркель премию Вальтера Ратенау, высоко оценил её внешнюю политику: он назвал экс-канцлера не "лунатиком", в отличие от её предшественника начала XX века Бетман-Гольвега, а "великим замедлителем". Вероятно, Меркель, комментирует Барбато, верила только в возможность замедлить упадок Германии и Запада.

Таким образом, по мнению автора, существует перспектива того, что пришедшая Европа разрядит внутреннюю напряжённость вовне, расширив сферу своего влияния за пределы ЕС. Следует подчеркнуть, что такое миролюбивое понимание европейской политики не учитывает реальный риск того, что напряжённость и конфликты всё ещё могут затрагивать европейские страны, о чём свидетельствует вооружённый конфликт на Украине.

Если в XXI веке центр тяжести мировой политики расширится от ядра Ста-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

«Оказавшись на "подветренной" [защищённой] стороне глобализации, немецкая внешняя политика надеялась избежать парадигмы реализма во внешней политике с её дискуссиями о государстве, власти, интересах, и получить возможность полностью сосредоточиться на альтернативном либеральном лозунге "экономика, экономика, экономика...". Поскольку внешняя политика Германии приводила к насилию и неудачам, конъюнктура глобального управления была особенно привлекательной. Процессы глобализации позволяли подвергать политические дискурсы радикальной критике. Глобальная внутренняя политика казалась возможной». (стр. 9)

«Даже принимая во внимание фундаментальные изменения при переходе от империи к Веймарской республике, к национал-социалистическому государству, к Боннской федеративной республике, к объединённой Германии, всё равно остаётся институт, имеющий свои глубокие корни в старой империи: канцлер и канцлерство». (стр. 41)

«Уже в декабре 1914 года Штресман претендовал на некоторые территории, которые, по его мнению, в действительности принадлежали Германии. К ним относилось побережье от Дуэра до Санкт-Петербурга, острова Фришландт. Российское побережье Балтийского моря должно было отойти к Германии, как и французское побережье [Ла-Манша], а Кале должно было стать "немецким Гибралтаром"». (стр. 99–100)

«Экономическое чудо Федеративной Республики Германия опиралось не только на послевоенный бум восстановления и плана Маршалла, но и на интеграцию дейчмарки и бурно развивающейся немецкой экспортной промышленности в Бреттон-Вудскую систему. Ратифицировав присоединение к Бреттон-Вудской системе в 1952 году и приняв долговое регулирование в 1953 году, Аденауэр ещё до определения архитектуры безопасности глубоко привязал молодую федеративную республику к капиталистическому Западу во главе с США в сфере экономической политики. Таким образом, то, над чем так упорно трудились Штресман и Брюнинг, было своевременно налажено: Германия, тесно связанная с США». (стр. 162)

«Внешняя политика "системы Коля" по окончании холодной войны в 1990 году, в третьей послевоенной системе после 1919 и 1945 годов, впервые в истории Германии обеспечила место под солнцем для немецкого национального государства». (стр. 202)

«Что касается гарантии западных границ Польши, то её также пригласили на сессию переговоров группы 2+4. Гарантировав западную границу Польши, Германия закрывала главу, которая отягощала соседские отношения не только со времён Второй мировой войны, но, по крайней мере, с Первой мировой, если не с момента основания империи. Обеспечение границы по Одеру-Нейсе стало предпосылкой для формирования Германией центрально-европейской политики, не отягощённой притязаниями на территорию и доминирование». (стр. 213)

«Меркель, как и канцлер Бюлов, пыталась проводить в Китае политику "свободной руки". В отличие от предшественника, она не претендовала на превосходство. Её политика "свободной руки" была политикой "тихой руки" и проявлялась в форме постепенного движения. [...] Таким образом, она закрепила направление на тесное партнёрство с Китаем. [...] Очарование поразительным восхождением новой державы, которую она посещала чаще, чем любую другую страну, того стоило». (стр. 243–244)

рого континента до Индо-Тихоокеанского региона, Европа с Германией могут надолго затихнуть. Вместо того чтобы наблюдать, как тектонические трения достигают немецкого центра, Германия могла бы управлять обеспечением спокойствия в Европе, полагает Барбато. Речь уже не будет идти о навязывании воли всему миру, начиная с континента, под предводительством Германии или против неё, теперь это будет вопрос принесения спокойствия в Европу. Речь будет идти об активном обеспечении порядка, достигаемом путём неустанного поиска консенсуса не только среди традиционно европейских стран, но и среди тех, что поддерживают всё более тесные отношения с Европой как составной частью своей идентичности или рассматривают её как жизненно важный элемент своей безопасности.

Сдвиг на Восток: изменение "ядра Европы"?

Барбато считает, что Германии и Франции, похоже, не хватает сил для объединения ЕС в области внешней политики. Ведущая роль, которую Польша взяла на себя после российской спецоперации на Украине, и предложение Киеву присоединиться к Евросоюзу свидетельствуют о новом раскладе сил. Центр Европы смещается на восток.

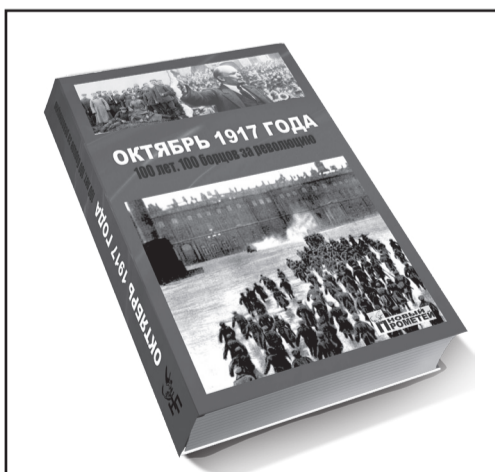
Новая держава в Центральной Европе позволила бы Германии противостоять общеевропейским бурям и уменьшить бремя собственных обязательств.

Укрепившаяся уверенность в том, что континент является "Великой Швейцарией" на периферии Запада, была бы дополнена самостоятельной и сильной Центральной Европой, со столицами в Киеве, Вильнюсе, Варшаве, а также Братиславе, Бухаресте и Праге.

Барбато считает, что новая Большая Центральная Европа будет обладать потенциалом для самостоятельных действий. Это открыло бы для Германии возможность выйти из шаткого полугегемонистского положения и обрести сильного партнера на Востоке.

Можно возразить, что такая оценка не учитывает приоритет франко-германской оси как движущей силы ЕС и не принимает во внимание преобладающую атлантистскую ориентацию восточноевропейских стран, которая сместит геополитический баланс в Европе. Она также будет способствовать возникновению разлома, в который США смогут вклиниться, делая ставку на стратегию "разделяй и властвуй" в отношении стран-членов ЕС. Напряжённость новой стратегической фазы заставляет Германию пересмотреть свою роль, даже если это противоречит политической традиции, накладывающей рамки на её действия, – на этапе, когда время ускоряется и необходимо формировать инструменты внешней политики и безопасности, необходимые для глобального противостояния.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Октябрь 1917 года. 100 лет. 100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт, именной указатель, иллюстрации по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Разочарованный голлист в Берлине

Claude Martin, "Quand je pense à l'Allemagne, la nuit", Éditions de l'Aube, Avignon, 2023 [Клод Мартен, "Когда ночью я думаю о Германии"].

II

В 2000-м году открылся непростой для Евросоюза этап. По многим направлениям Союз продвигался медленно: по мнению Мартена, институты потеряли эффективность и легитимность. Планируемое расширение (до 28 государств) привело бы к размыванию структуры: в результате ЕС никогда бы не продвинулся к политическому союзу, которого могла бы достичь лишь небольшая группа государств под руководством франко-германской оси.

Долгие дебаты касались институциональных реформ, среди которых особую значимость имело изменение веса голосов стран-членов в Европейском совете и число представителей в Страсбурге – по этим вопросам Германия требовала, в силу своего демографического и экономического веса, увеличения представительства. Мартен, тем не менее, соглашался только на франко-немецкий паритет и уговаривал Ширака не уступать.

Блесхаймские ужины

Сложными были и взаимоотношения между Жаком Шираком и Герхардом Шрёдером. Канцлер восхищался Францией, но ему не нравился её вес в международных делах – несоразмерно большой, по его мнению, – а также он не был согласен на франко-немецкий паритет в Совете. Ширак не знал, как ему противостоят. Разногласия развились и наконец проявились на Совете в Ницце в декабре 2000 года, который все расценили как неудачу: франко-германский паритет был сохранён, но Берлин смог вовлечь в свою игру также государства-кандидаты в члены Союза, и в результате был принят вариант Комиссии, в которой каждое государство имело бы по одному комиссару.

Тогда, чтобы создать доверительную атмосферу между президентом и канцлером, их команды организовали им регулярные ужины наедине. В январе 2001 года начался период «блесхаймских ужинов», как Мартен прозвал их по имени эльзасского местечка, где прошла первая встреча. Он пишет, что с тех пор отношения между Шираком и Шрёдером улучшились и впоследствии стали удовлетворительными.

К обсуждению этих вопросов присоединился Йошка Фишер, член партии «Зелёных» и министр иностранных дел, но особого успеха не добился: он самостоятельно выдвинул идею федеративного ЕС, которая заставляла французов морщиться нос. Одной из тем, которая сблизжала Париж и Берлин, были отношения с Россией: Шрёдер сблизжался с Москвой, поддерживаемый немецкими капиталистами, на основе обмена энергоносителей на капитал, и Ширак с радостью последовал его примеру. Речь шла о том, чтобы избежать изоляции Кремля из-за чрезмерного расширения ЕС, за которым, к неудовольствию России, следовало НАТО.

Рейнская «законопослушность»

По европейским вопросам был создан Конвент для подготовки Конституционной хартии; его возглавил Жискард д'Эстен, которого считали очень «надменным». От институтов было мало толку: Комиссию возглавлял Романо Проди, о котором Мартен высказывается нелестно из-за его со-

противления рейнской оси, а затем Жозе Баррозу, неспособный контролировать своих комиссаров; Парламент стал добычей партий и их аппаратчиков (которые часто переезжали в Страсбург после неудачи на национальном уровне).

Европейский контекст сопровождался мировым, с терактом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года и американской и натовской интервенцией в Афганистане. Сразу после этого последовала инициатива президента США Джорджа Буша против Ирака Саддама Хусейна.

Мартен не улавливает в этом аспекта «политической войны», т.е. цели прибрать к рукам энергетическую артерию в Персидском заливе, чтобы сдерживать Европу и особенно Китай, но в то же время создать гарантию «открытых дверей» для энергетического сырья, конечно, под американским контролем. Не рассмотрел он и открывшейся перед Евросоюзом возможности выработать независимую от США политику и ускорить процесс консолидации и централизации.

Вместо этого Мартен объясняет франко-германский выбор не участвовать в войне правовыми причинами: нельзя было нападать на суверенное государство, обвиняя его в разработке ядерного оружия, не имея надёжных доказательств и однозначного мандата ООН. Американская инициатива была односторонней, с призывом союзников к участию. Между строк (в отличие от других отрывков, где это выражено более явно и превращается в настоящую политическую антипатию) можно увидеть раздражение Мартена проамериканскими действиями Тони Блэра, человека с неясными убеждениями, в меньшей степени сторонника Европы, который скорее завидовал Рейнской оси.

Более того, Франция и Германия оказались в изоляции в ЕС, где Испания, Италия и восточноевропейские государства объединились с США. Вместо этого рейнская ось пошла на сближение с Россией Владимира Путина, готовой к диалогу даже по европейские делам, в которых проблема российского «ближнего зарубежья» и европейского и американского вторжения всё более обострялась.

Растяжение оси?

Что касается ЕС, то в октябре 2004 года была подписана Европейская конституция, которая стала результатом работы Конвенции.

К концу года возникли проблемы в Грузии и на Украине, где победили прозападные силы. Но и без этого отношения ЕС и НАТО с Россией становились политической проблемой. Путин, по словам Мартена, был не против расширения Союза, но против продвижения НАТО к российским границам. В ЕС, несмотря на требования восточных стран, Франция и Германия и другие страны запада Европы сохраняли крайнюю осторожность, учитывая также несоответствие Украины требованиям к вступлению в Союз. Ширак и Шрёдер защищали диалог с Россией. Но в НАТО США при поддержке восточноевропейских стран были полны решимости продолжать опасный процесс.

В начале 2005 года Ширак объявил о проведении во Франции референдума о принятии Европейской конституции. Мартен сказал президенту, что проголосовал бы «против»: Конституция ставит французскую политику Франции под контроль её европейских партнёров, что является неприемлемым для суверени-

Положение дел в ЕС-28

«Союз больше не представлял для наших двух стран более чем ограниченный интерес. Конечно, он должен был продолжать жить и развиваться, сохраняя всю свою символическую силу [...] обеспечил бы рамки и средства для реагирования на новые вызовы, с которыми мы сталкиваемся в таких областях, как здравоохранение, окружающая среда, энергетика, научные исследования, культура, образование, [...] но было ясно, что этот Союз, меняющийся по своей природе и размерам, не сможет воплотить в жизнь великую мечту «отцов-основателей». Он никогда не станет ступенькой к политическому союзу. Если последний и имел смысл, то было хорошо известно, что его способно достичь лишь очень небольшое число государств, кто хотел и мог это сделать. До тех пор, Франция и Германия обладали бы необходимыми средствами и влиянием, чтобы заставить слышать голос, который стал бы голосом Европы.» (стр. 623–624)

Меркель и рейнская ось

«Несмотря на все её признания в «верности» наследию Конрада Аденауэра, Ангела Меркель больше не олицетворяла собой ХДС, ориентированный в первую очередь на Францию. Ей было трудно понять, почему по-прежнему необходимо полагаться на привилегированные двусторонние отношения с нами для строительства Европы. Тандем Ширак – Шрёдер казался ей «устаревшим» и теперь «мешал». Она опасалась критики со стороны «других», которым не нравилось это франко-германское сообщество. В частности, поляков. Она не хотела их расстраивать.» (стр. 801)

тета. Бюджетная дисциплина должна была быть менее строгой и либеристской и чуть более кейнсианской. Во Франции, как и в Нидерландах, по результатам референдума Конституция была отвергнута, что вызвало критику в адрес Парижа даже со стороны Берлина.

В конце сентября 2005 года на выборах Шрёдер с небольшим отрывом проиграл Ангеле Меркель. Возникло правительство Большой коалиции во главе с новым канцлером. Меркель была динамичной личностью, интересующейся событиями, готовой учиться. Она была политическим зверем: ликвидировала Гельмута Коля, своего наставника, и задвинула его «наследника» Вольфганга Шойбле на второстепенные роли; в качестве фундамента для своей власти она заняла пост председателя ХДС; ей хорошо удавались манёвры, но политическую стратегию, по мнению Мартена, она ставила на второй план. Уроженка бывшей ГДР, она одобряла тандем с Францией, но не хотела слишком акцентировать его в европейских делах, прислушиваясь к мнению других членов Союза.

На Ширака она произвела хорошее впечатление, но сожаления об уходе Шрёдера остались. Канцлер испытывала симпатии к президенту, типичному французу, элегантному, остроумному и культурному. Она пыталась привлечь его к участию в проектах Союза, но Ширак приближался к концу своего второго срока и больше не желал прислушиваться к предложениям. Возможно, начал проявляться процесс расхождения рейнской оси, который длился уже некоторое время.

«Сломанный» двигатель

Шрёдер проводил политику экономических реформ для противостояния международным вызовам. Её продолжением стала *Agenda 2010*, реформа рынка труда. Электоральных дивидендов от этого он не получил, поскольку в самом начале реформ столкнулся с трудностями и разногласиями. Но он оставил Меркель сильную и конкурентоспособную страну. С другой стороны, Париж долгие годы отставал в этой области, будучи привязанным к системе с большим весом государства и обширных социальных амортизаторов (или привилегий определённых категорий). Франция была слабее Германии, считает Мартен. Это отдалило две страны друг от друга.

К этому добавился уход со сцены Ширака и стремительный и нервный приход Николя Саркози, чьи позиции отличались от голлистских: он был атлантистом, вернул Францию в интегрированное командование НАТО и заставил парламент ратифицировать Лиссабонский договор, который был пересказом всё той же Конституции, отвергнутой на референдуме. Саркози пришёл к власти в момент, когда практически все в Европе уже осознали, что из-за расширения было упущено время, и энтузиазм, надежды и иллюзии

угасали. Он встретился с Меркель: эти двое обладали противоположными характерами и не могли сработаться.

После отставки Ширака Мартен покинул посольство в Берлине, занялся дипломатией и наблюдал за европейскими делами издали. Немецкий двигатель всё больше ломался. То и дело обострялись грузинский и украинский вопросы, а вместе с ними и напряжённость в отношениях с Россией. Пятилетний срок Саркози закончился безрезультатно. Начался срок Франсуа Олланда, во время которого шаги в сторону рейнской оси казались не убедительными инициативами, а, по словам Мартена, заключительными танцевальными па разучившихся танцоров.

Разгромная критика

В завершении остановимся на четырёх моментах. В отношении греческого кризиса отметим не само изложение событий, и так известных, сколько суждение о Шойбле (оно относится к более раннему периоду, но вполне уместно): это блеклый портрет обижённого политика, всегда вынужденного играть второстепенные роли; жёсткого экономалютеранина, антифранцуза, застрявшего во временах Ганса Титмайера.

Говоря об украинском кризисе 2013–2014 годов и российской аннексии Крыма, Мартен обвиняет в слабых характеристиках Меркель и Олланда, которые не удержали НАТО от антироссийского проекта расширения. В результате Франция продолжала терять влияние и лицо.

На переговорах по Брекситу Мартен сочувственно отзывается о гордости британцев и попытках премьер-министра Терезы Мэй заключить сделку, против которой ЕС выступила с командой серых бухгалтеров, вместо того чтобы предложить Великобритании меньше жёсткости и меньше регулирования.

И наконец, язвительное суждение об Эммануэле Макроне: «Персонаж, появившийся из ниоткуда, способный изгибаться влево или вправо в зависимости от обстоятельств, думать и говорить противоположные вещи. У него не было никакой программы, кроме «новизны». Такий «новый» человек. К таким как он я всегда относился с недоверием. Мне повезло знать Францию под командованием генерала де Голля. Это сделало меня требовательным». Макрон хотел вызывать восхищение, но лишь обнаруживал собственное невежество. Он создавал образ Франции, которая больше не знала, что она думает и где находится.

Сомневающийся даже в прежних целях де Голля и Аденауэра, пессимистично оценивая судьбу Европы и успокаиваясь лишь тем, что бывшие исторические враги, Франция и Германия, заключили мир после войны, Мартен в конце концов отказался давать собственную интерпретацию.

Враг с Востока

Biagio de Giovanni, "Figure di apocalisse", Il Mulino, 2022. Aldo Schiavone, "L'Occidente e la nascita di una civiltà planetaria", Il Mulino, 2022.

Кризис порядка порождает соответствующий ему идеологический кризис, отмеченный беспокойством о судьбе глобализации и роли Запада в ней.

В рамках этой дискуссии издательство Il Mulino выпустило шесть книг под редакцией Альдо Скьявоне, объединённых темой "Судьба Запада".

Среди них – эссе профессора Восточного университета в Неаполе и бывшего члена Европарламента Бьяджо Де Джованни "Апокалиптические фигуры", с подзаголовком: "Сила негативного в истории Европы". Автор заявляет, что в книге «будет предпринята попытка найти смысл Европы через определение её способа быть миром и понять причины её центральности, её существования как центра мира на протяжении веков» (с. 16).

Сила негативного

Сегодня это центральное положение находится под вопросом: Де Джованни исследует атлантический упадок, доходя до предостережений о «конце Европы». Как мы уже писали на страницах газеты, в условиях неспособности капитализма поддерживать порядок старые державы сталкиваются с необходимостью уравновешивать Китай, достигший империалистической зрелости: «Это поднимает противостояния до уровня сил континентального масштаба, и здесь вновь появляются идеологии, представляющие Китай и Россию как авторитарный блок, который необходимо сдерживать во имя свободы Запада» ("Украина и Газа в политическом и социальном цикле Европы" // Пролетарский интернационализм, январь 2024). Де Джованни размышляет именно в этом ключе, перерабатывая идеологии времён холодной войны.

Панорама, которую он решил изложить, охватывает тысячелетия европейской истории – начиная с её истоков в Афинах, Иерусалиме и Риме, – рассмотренные как развитие мысли: «Европа – это её философия», – пишет автор. С этой точки зрения, со времён своей греческой колыбели Европа предстаёт как «напряжение противоположностей»: «Фигура негативного лежит [...] внутри фигуры Европы, полной антитез». Европейская философия – это «онтология Бытия на грани между собой и своим становлением, и отсюда неразрывная связь с силой, с её волей к самоосуществлению, состоящей из света и тени» (с. 12). И действительно, «родина Бетховена и Гёте породила Освенцим»; это «континент демократии, науки, политической свободы – он же континент истребительных войн [...] некоторые из которых в конце концов стали мировыми»; «континент, который, единственный среди всех, становится цивилизацией-миром и расширяется повсюду, чередуя резню коренного населения и цивилизаторство» (с. 11).

Затем Де Джованни естественным образом переходит к диалектике Гегеля, цитируя предисловие к "Феноменологии духа" (1807), где представлена «огромная сила негативного», имманентный процесс, посредством которого дух «достигает своей истины, только обретая себя самого в абсолютной разорванности».

С точки зрения Де Джованни, «колебания», плюрализм и *abgrund*¹ – глав-

ные характеристики Европы, её сила и её трагизм. Со времён Древней Греции даже границы Европы – тогда между аттическим миром и Азией – размыты. Само определение Европы является колеблющимся. Это делает её континентом открытости и свободы – в том числе политико-институциональной – и в то же время континентом разрушения: «история как истина и цивилизация, и история как скотобойня» (с. 31).

В этом европейском движении Де Джованни усматривает ряд больших попыток «стабилизации»: от логоса греческой философии, от христианства и Вселенской церкви, Римской империи и римского права, и вплоть до Гегеля, который указывает в своей системе, в «абсолютном знании» и в государстве – противореча собственному диалектическому методу – на завершение, на идею конечного движения, которое прошло свой путь. «Неприемлемый тезис, – комментирует Де Джованни, – движение продолжается, позолоченная клетка абсолютного знания не может его вместить. Маркс и Ницше уже, кажется, ждут у двух разных ворот» (с. 24). Катастрофа двадцатого века разобьёт на куски стабилизационные попытки Просвещения, Канта и консервативной стороны Гегеля.

Философия включилась в противостояние

До сих пор Де Джованни указывает на диалектику исторического становления, которая преодолевает всякую односторонность. Но когда он переходит к политическим выводам, его тезис поляризуется, приобретает манихейскую окраску: Запад против Востока, потому что за пределами Европы сила негативного в континентальном масштабе может проявиться сегодня в облике Китая. Книга таким образом присоединяется к социал-империалистической кампании противостояния между блоками, пытается вовлечь европейскую философию в столкновение цивилизаций: «Возникает однородная сила, всё более навязчивая – Азия вместе с Россией, уже не европейской, а славянизированной, и Китаем, где усиливается чувство глобальной гегемонии в отношении Африки и тихоокеанских реалити. Начинает разрушаться "начало", которое было положено в борьбе Афин против Азии; Азии, где сила негативного никогда не имела возможности рассказать о себе, не испытала диалектику, зажатая между абсолютными властями и жреческими мифами» (с. 245).

Де Джованни напоминает о «самопрезентации Европы, которая проходит через века, от греков и далее, и которую Гегель резюмирует на страницах своих "Лекций по философии истории", изрекая знаменитую сентенцию: Восток – это единое, иератическое и изолированное, Запад – это Единое, которое становится множественным; Восток – это земля, идея замкнутости, границ; Запад – это море, свобода, он встречает das Leben, Жизнь» (с. 35).

Но для Гегеля, находящегося в апогее буржуазной Европы, речь идет о «жизни целого»: «Всемирная история направляется с Востока на Запад», – утверждает он в "Лекциях по философии истории". Де Джованни, похоже, находится под влиянием не столько гегелевской диалектики, сколько взглядов Эрнста Юнгера, который в "Гордиевом узле" утверждает архетипическую, фундаментальную дихотомию между Востоком и Западом, восходящую к двум различным «пла-

СИЛА НЕГАТИВНОГО В АЗИИ

«Запад – Америка-Европа, часто также разделённые внутри себя, – [...] является собеседником, который истощён своим упадком, тенденцией к забвению своего прошлого, но может быть снова выведен на поле боя высокомерным ростом Врага. [...] Сила негативного, освобождённая от культурных и метафизических ограничений, среди которых она родилась, построив цивилизацию, не имеет родины, она бродит по миру как призрак, за которым уже нет не только философии, метафизики, но и цивилизации, способной её мыслить. Она может стать, как это уже случилось в истории Европы, чистой волей к власти, движимой другим миром – Азией».

(Де Джованни, стр. 250–251)

«Тот факт, что 4 февраля 2022 года Китай и Россия в лице высокопоставленных представителей чувствуют необходимость донести до мира свою идею об окончательном кризисе либерализма (он мёртв, говорят они) и связанных с ним демократий, также является прекрасным признаком того, куда пришли герои новой борьбы за гегемонию. Когда Враг проявляет себя, новые силы могут решить противостоять ему. [...] Европа, кажется, реагирует более слющённо на великие поворотные моменты времени: пандемию, Украину, которые тянут по противоположным путям, но, возможно, для Европы, по крайней мере частично, более единым. Возможно, потому что Европа разоружена, и пока она таковой является, фактически не имеет права голоса в этом вопросе».

(Де Джованни, стр. 251–252)

«Появление планетарной цивилизации – явление в значительной степени необратимое по двум основным направлениям: доминирование технологий и захватнический характер неоконсервативной экономики. Её расширение и консолидация могут иметь свои [...] кризисы, но невозможно думать о полном регрессе [...] и маловероятно, что китайские правящие группы решат твёрдо перевести противостояние на военно-политический уровень. [...] Прежде всего потому, что китайский военный аппарат всё ещё слишком сильно отстаёт [...], а также потому, что капиталистическая структура этой страны к настоящему времени слишком сильно развилась [...] Китай уже настолько быстро интегрирует своё общество в глобальный техноконсервативный порядок, что культурные и социальные последствия такого процесса скорее всего вызовут [...] соответствующие политические изменения».

(Скьявоне, стр. 168–169)

стам человеческой природы»: сражение между «теллурической силой» Азии и «свободным светом» Запада происходит «в том, что неизмеримо в человеке – его глубокой внутренней сущности».

Универсалистская претензия

Эссе Альдо Скьявоне "Запад и рождение планетарной цивилизации" предлагает более миролюбивый подход, но в любом случае подтверждает универсалистскую претензию Запада, который воспринимает свои отношения с остальным миром только как кооптацию на его собственных условиях. Если Де Джованни выражает оборотливое отступление перед лицом атлантического упадка, то Скьявоне просто-напросто отрицает этот упадок, утверждая, что Запад был и остаётся «универсальной категорией процесса человеческой цивилизации» (с. 35): «Из огромного плавильного котла, образованного азиатскими культурами, не появилось ничего – по крайней мере, на данный момент, – что могло бы по-настоящему говорить с остальным миром» (с. 62). Таким образом, Скьявоне предвидит «технокапиталистическое» объединение мира, «всего человечества, управляемого Западом», где «война между демократическими странами, особенно после 1914 года, кажется всё менее и менее воображаемой, если не невыносимой». Азию предупреждают: «Для продвижения вперёд ещё долго будет необходим дальновидный и сильный Запад – в том числе и в военном отношении» (с. 157).

Восточная сила

Скьявоне подчёркивает исторический факт первенства Запада, установленный по крайней мере со времён Ренессанса: «Европа проецируется на океаны, в отличие от сухопутной Азии» (с. 121) – но он также распространяет его на будущее: «Китай и тем более Россия [...] не имеют ничего (или почти ничего) в этой области, чтобы противостоять Америке и Западу: ни технологической изобрета-

тельности, ни гражданской жизни, ни выигранного представления о будущем» (с. 125). Ещё одно созвучие с "Гордиевым узлом", где Юнгер пишет: «Одно из проклятий европейца, похоже, состоит в том, что он снабжает и оснащает другие народы земли знаниями в ущерб себе. [...] Это аристотелевский дух, благородное и щедрое излучение, которое с античных времён отличалось от герметической замкнутости магических народов» (с. 130–131).

И именно Юнгера цитирует Де Джованни в статье в газете *Corriere della Sera* от 8 февраля 2023 года по поводу войны на Украине, рассматривая её в контексте «продолжающегося и мощного столкновения между "восточной силой" и "западной силой"». Де Джованни пишет: «Я хочу пояснить, что я имею в виду под "восточной силой" – выражение, использованное Эрнстом Юнгером в "Гордиевом узле" [...]: это та власть, которая, подтверждённая с убеждённой жестокостью, знаменует [...] конец глобализации [...]. Это нечто большее, чем автократия. Это укоренившаяся идея власти, которая не может встретиться со свободой, власти, структурированной как "теллурическая сила" (Юнгер), которая делает Азию почти священной землёй, где власть требует только повиновения при наличии абсолютных целей, и которая использует жестокость как средство концентрации власти».

Поэтому, считает Де Джованни, «сопротивление Запада – это его собственное выживание как континента свободы [...] между восточной и западной силой сегодня невозможно посредничество, столкновение началось [...] начинается борьба за новый мировой порядок».

Это старые идеологии, призванные на службу и переделанные под кризис порядка. Это знак времени.

Lotta comunista, март 2024 г.

1 – Термин из философии Хайдеггера, означает невозможность достичь абсолютного основания для знания и бытия.

Противостояние США и Китая и дилеммы Европы

Josef Braml, "Die transatlantische Illusion. Die neue Weltordnung und wie wir uns darin behaupten können", C.H.Beck, München, 2022 ["Трансатлантическая иллюзия. Новый мировой порядок и как мы можем утвердиться в нём"]. Josef Braml & Mathew Burrows, "Die Traumwandler. Wie China und die USA in einem neuen Weltkrieg schlittern", C.H. Beck, München, 2023 ["Сомнамбулы. Как Китай и США скатываются к новой мировой войне"].

Йозеф Брамль – генеральный секретарь немецкой группы Трёхсторонней комиссии, влиятельной глобальной платформы для диалога между Америкой, Европой и Азией. Он был исследователем и советником Немецкого общества внешней политики (DGAP) и Фонда науки и политики (SWP).

Мэтью Барроуз работал в Государственном департаменте США, ЦРУ и Национальном совете по разведке и отвечал за подготовку трёх докладов о перспективах на будущее ("Global Trends") для американских президентов в 2004, 2008 и 2012 годах.

Мы изучили два текста, в которых рассматриваются ключевые и насущные для немецкого и европейского империализма вопросы: перевооружение и желанная стратегическая автономия.

Роль Европы в международных отношениях

Первый текст имеет ярко выраженную европеистскую направленность и требует решительной финансово-экономической, политической и военной автономии. Исходным тезисом служит признание новой многополярной структуры, в которой противостоят друг другу два глобальных игрока, США и Китай, а ЕС вынужден действовать автономно, чтобы не быть раздавленным между этими двумя соперниками.

В тексте Брамля особенно выделяются два аспекта. Во-первых, автор указывает на то, что американский двойной дефицит¹ – это обратная сторона немецкого профицита: европейцы, также как и Китай с Японией, финансируют американское внутреннее потребление; поэтому призыв к более активному участию Европы в расходах на оборону неприемлем, если учесть финансовые усилия Европы, частные и институциональные, по поддержке американского рынка.

Во-вторых, есть ощущение, что США не хотят ни защищать европейцев в военном отношении, ни признавать их военную независимость. Ядерное сдерживание, согласно доктрине Байдена, служит только для "защиты" Америки. В различных областях (боевые самолёты, танки, спутники, беспилотники) Европа должна стать автономной. Таким образом, продолжает Брамль, она также сможет защитить и укрепить свою военную промышленность. Присоединяясь к предложению Эмманюэля Макрона о совместном с Германией и ЕС использовании французских *force de frappe*, автор заявляет о необходимости европейской ядерной автономии.

Европа перед лицом кризиса порядка

Второй текст, "Сомнамбулы", пронизан тревогой по поводу риска вспышки третьей мировой войны в момент, когда Европа не выглядит способной на собственные инициативы и следует за США.

Авторы представляют три сценария: негативный, предполагающий биполярную конфронтацию между США и

Китаем; "жесткий" – начало третьей мировой войны; и "хороший", основанный на сотрудничестве. Первый сценарий уже реализуется, но авторы опасаются риска возвращения сомнамбулизма, который привёл к первой мировой войне. Американские президенты этих десятилетий не имели опыта войны, в отличие от Рузвельта, Эйзенхауэра, Трумэна, и поэтому слабо представляют себе, как быстро можно скатиться в мировой конфликт. В каком-то смысле, утверждают они, Китай и США – раненые гиганты. Оба претендента воспринимают себя слабыми по разным причинам. Китай боится, что не сможет довести размер среднего дохода до уровня западных стран; США видят, что американская мечта угасает, что средний класс не получает от глобализации те преимущества, на которые он рассчитывал. Разразилась новая холодная война, но с неожиданной для Вашингтона новой чертой: многие страны не следуют ни за США, ни за Китаем.

Авторы выступают за умиротворение России: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) не должна исключать Москву как заклятого врага, поскольку это держава, которая может гарантировать региональную стабильность ради собственных интересов безопасности и экономики. Распад России породил бы опасный вакуум силы, поскольку конкурирующие этнические группы могли бы решать свои споры с помощью насилия. Авторы считают, что можно понять Владимира Зеленского, требующего жестких условий мира, однако полагают, что их достижение крайне маловероятно. Очевидно, что Украина может получить лишь ограниченные преимущества перед Россией.

Также подчёркивается превосходство Китая как восходящей державы, как в экономическом, так и в политическом плане. Один из показателей – его привлекательность для торговли и инвестиций. До 2000 года 80 % стран торговали с США больше, чем с Китаем. В 2018 году этот показатель снизился до 30 %, а Пекин тем временем занял лидирующие позиции в торговле со 128 из 190 государств.

США и Китай: финансово-экономические и военно-политическое противостояние

Китай значительно инвестировал в исследования и разработки. Расходы в этой сфере выросли с 9 млрд долларов в 2000 году до 293 млрд в 2018-м. В 2018 году китайские университеты присудили почти 49.500 докторских степеней в области математики, информатики, естественных наук и технологий (MINT), что больше, чем в США (42.000) и ЕС (45.000). О финансовом проникновении Пекина говорит тот факт, что перед лицом больших бюджетных дефицитов стран "Глобально-Юга" Запад остаётся безучастным, а Китай вмешивается, предоставляя прямое финансирование: по оценкам Кильского института мировой экономики (IFW), доля ВВП стран-долж-

ЭКОНОМИКА, ГЕОПОЛИТИКА, ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ: ЕВРОПЕЙСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

«Поскольку Китай стал военным соперником США, а США решительно поворачиваются в сторону Азии, Европа должна стремиться обеспечить собственную автономную оборону. Европейцам придётся найти свой собственный способ управления отношениями с Россией и связанными с этим рисками и возможностями. Можно думать – в логике исторического опыта – о сочетании двух практик: изменения через дипломатическое сближение и надёжного военного сдерживания». ("Трансатлантическая иллюзия", стр. 148–149)

«Во время моих бесед [с Натальей Пузырефф из партии Макрона "Вперёд, Республика"] в Берлине у меня сложилось впечатление, что немцы тоже не хотят зависеть от технологий, которые приходят не из Европы. Неизвестно, что ждёт нас в будущем. И с политической точки зрения нам, европейцам, без этого развития было бы очень трудно добиться того, чтобы нас услышали великие державы на международной арене». (стр. 99)

«Если США и Китай, "как сомнамбулы", ввяжутся в конвенциональную войну, вероятность её перерастания в ядерное самоуничтожение будет высока. Маловероятно, что две великие державы, столкнувшись в бою, откажутся от применения тактического ядерного оружия, по крайней мере на море. Как только этот порог будет преодолен, одного маленького шага будет достаточно для гораздо более глобального ядерного конфликта. Представьте себе 1914 год в условиях наличия ядерного оружия». (Джим Ставридис, адмирал ВМС США, 17 апреля 2023 года, "Сомнамбулы", стр. 12)

«Широко распространено ощущение растущей неизбежности конфликта с Китаем. Подобно тому, как Гражданская война в Испании послужила генеральной репетицией второй мировой войны, война на Украине рассматривается как предварительная фаза разогрева для гораздо более масштабной конфронтации». (стр. 71)

«Евросоюз должен принять решение: быть открытым рынком само по себе не является геополитической стратегией, а экономика не может быть единственным возможным фактором для объединения стран ЕС. Европа должна осознать, что мировая экономика – это приводной ремень конфронтации и агрессии. Является фактом, что, хотя в настоящее время и существует осознание этого, имеющиеся в её распоряжении инструменты довольно слабы». (стр. 75)

«Государства БРИКС и особенно Саудовская Аравия [...] объединились, чтобы помочь Китаю переписать правила глобального энергетического рынка в рамках более масштабных усилий по "дедолларизации" мировой экономики, реагируя на использование американцами долларовых валютных резервов в качестве оружия после вторжения России на Украину. Китай последнее время покупает всё больше нефти и сжиженного газа у Ирана, Венесуэлы, России и некоторых стран Африки, расплачиваясь в своей собственной валюте – юанях. [...] Поговаривают о рождении нефтяной». (стр. 158)

ников перед Китаем выросла с 1 % в 2005 году до 15 % в 2017-м.

По некоторым показателям черты двух держав похожи. США и Китай имеют схожий демографический профиль. Средний возраст составляет 38,1 и 38,4 года соответственно, ожидаемая продолжительность жизни – чуть более 75 лет для обеих стран. Но коэффициент рождаемости составляет 1,6 в США и 1,18 в Китае.

Численность среднего класса в мире – тех, кто имеет годовой доход от 10.000 до 100.000 долларов – выросла с 507 миллионов человек в 2000 году до 1,7 миллиарда в 2020 году. Только в Китае эта цифра составляет 707 миллионов человек – более половины населения. Демографический вопрос приобретает всё большее значение. В период с 1990-го по 2017 год численность населения трудоспособного возраста увеличилась, что привело к сокращению соответствующей доли доходов от труда в экономике страны в целом. С резким сокращением численности населения эта тенденция меняется на противоположную, и в метрополиях наблюдается нехватка рабочей силы и, как следствие, рост зарплат. По прогнозам Goldman Sachs, ежегодный экономический рост Китая с 2024 по 2029 год составит 4 %, а в тридцатые годы – 2,5 %, что значительно ниже 7,7 % в 2010–2029 годы. Китай обгонит США по ВВП только в середине 2030-х годов, то есть позже, чем предполагалось изначально.

Хотя Пекин не пользуется таким же доверием в мире и статусом владельца резервной валюты, как США,

его руководство начало предлагать инвесторам страховочную сетку, сделав юань конвертируемым в золото на Шанхайской и Гонконгской фондовых биржах. Легко конвертируемые и поддерживаемые правительствами валюты, такие как пекинский цифровой юань, представляют собой угрозу доминированию доллара.

Подход авторов состоит в том, чтобы определить наиболее действенные способы гарантировать европейской метрополии сильный евро, который сможет обеспечить безопасность способности ЕС действовать в новом мировом экономическом порядке, характеризующемся глобальным геоэкономическим соперничеством между США и Китаем. Авторы, как следует из их рассуждений, придерживаются линии на сохранение связи с Америкой, но без отказа от реализации автономной стратегии в рамках Атлантического альянса. В отношении европейского империализма слабым звеном остаётся лишь дефицит политико-институциональной централизации и задержка в перевооружении по сравнению с другими великими державами. Авторы осознают европейскую военно-политическую несостоятельность и, похоже, надеются на одностороннее и волюнтаристское форсирование европейского империализма к стратегической автономии.

Lotta comunista, апрель 2024 г.

1 – Дефицит государственного бюджета и отрицательный торговый баланс.